

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Руководитель магистерской программы
ВМ.5543.2014 «История» д.и.н., проф.
Федоров С.Е.

Председатель ГЭК,
д.и.н. Алексеев А.И.

_____ / _____

_____ / _____

***ИМПИЧМЕНТЫ И ПАРЛАМЕНТСКАЯ КУЛЬТУРА В АНГЛИИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА***

Д и с с е р т а ц и я

на соискание степени магистра по направлению 46.04.01 «История»

магистерская программа ВМ.5543.2014 «История»

Рецензент:

Выполнила:

к.и.н., ведущий специалист
отдела образования Администрации
Кировского района Буров С.В.

студентка
Цветкова Э.А.

_____ / _____

_____ / _____

Работа предоставлена в комиссию

Научный руководитель:

«__» _____ 20__ г.

д.и.н., профессор

Секретарь комиссии:

Федоров С.Е.

_____ / _____

_____ / _____

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Эволюция представлений об измене в средневековой Англии.....	9
Глава 2. Импичменты 1621-1624 гг.....	32
2.1. Малые импичменты 1621 года.....	32
2.2. Импичменты 1624 года. Дело Лайонела Кранфилда, графа Миддлсекса	51
Глава 3. Импичменты 1625-1628 гг.....	59
3.1. Дело Ричарда Монтегю, королевского капеллана.....	59
3.2. Дело Джорджа Вилльерса, герцога Бекингема.....	65
3.3. Дело Роджера Мэйнуоринга, королевского капеллана.....	95
Глава 4. Дело Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, 1640-1641 гг.	98
Заключение	113
Список источников и литературы	122

Введение

В истории Англии XVII века эпоха правления Якова I и Карла I Стюартов обладает огромным значением для понимания событий, потрясших страну в ходе гражданской войны. В рамках современной исторической науки «новая» политическая наука имеет тенденцию на углубление представлений о характере властных отношений, а также о роли парламента в английской политике Раннего Нового времени.

Переходный характер эпохи от абсолютистской власти монархов династии Тюдоров к конституционной монархии периода Реставрации определяется изменением социальной структуры английского общества в следствие возросшей роли жителей городов, и как результат, влияния нижней палаты парламента. Именно в период с 1621 по 1641 гг. ярко проявляет себя тенденция стремления общин к присвоению себе судебных функций. Главным инструментом парламентарской борьбы палата общин избрала порядком забытую практику импичмента. Так, с момента правового оформления импичмента в Акте 1352 года по 1621 год парламента участвовал в рассмотрении четырех дел об импичменте, в период же с 1621 по 1641 гг. общинами было инициировано четырнадцать дел об импичментах. Подобная ситуация требует рассмотрения, которое способно пролить свет на предпосылки начала гражданской войны и вывести дискуссию о политической природе импичмента на новый уровень.

Объектом данного исследования являются акты, посвященные импичменту и обнародованные в период с 1621 по 1641 гг. Предмет исследования – роль импичментов в борьбе палаты общин против королевской власти в период назревающей гражданской войны. Комплексное изучение этой роли и составляет цель настоящего исследования.

Хронологические рамки исследования ограничены двадцатью годами – с 1621 по 1641 гг., т.е. периодом, нижняя граница которого определяется временем обнародования первого импичмента, принятого во время правления

ранних Стюартов, а верхняя - датой последнего импичмента, предшествовавшего гражданской войне в Англии.

В изучении данной проблемы большая роль отводится наследию антиквариетов и юристов общего права (Гленвилл и Брактон), а также авторам трактатов о праве, начавших осмысление проблемы измены еще со времени принятия Акта 1352 года¹. Тем не менее эти труды носили практический характер и были предназначены для отправления правосудия в судах; научный подход к данному вопросу начал формироваться не ранее XVIII века.

Сочинения XVIII века, затрагивающие эту тему, носили, как правило, историко-биографический характер и проливали свет лишь на отдельные эпизоды вынесения импичментов, касавшихся отдельных знатных персон. Отдельные работы предпринимали попытку создать общую картину английской истории и права XVII века, тем не менее они не выделяли импичменты в отдельную группу и ставили их в один ряд с другими судебными разбирательствами, относя их в области правовой культуры². Одним из влиятельных ученых того времени считается Давид Юм, посвятивший несколько работ истории Англии периода правления ранних Стюартов. Он придерживался либеральных взглядов и считал гражданскую войну закономерным результатом развития конфликта, изначально заложенного в концепции абсолютистской монархии³.

XIX век ознаменовался началом формирования первых английских научных школ. Наиболее крупным исследователем политики Стюартов и гражданской войны, относящимся к данной эпохе, является Сэмюэль Роусон Гардинер. Как историк, он проделал огромный труд, собрав и

---

¹ Bracton H. De Legibus et Consuetudinibus Angliae. London, 1569; Glanvill R. Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae. London, 1780.

² Shaw W.H. George Villiers, first Duke of Buckingham. Oxford, 1882; Thompson Mrs. The Life and Times of George Villiers Duke of Buckingham. 3 vols. London, 1860; Jesse J.H. Memoirs of the court of England during the reign of the Stuarts, including protectorate. 4 vols. London, 1840; Ranke L. A history of England in the seventeenth century. 6 vols. Oxford, 1875.

³ Hume D. The History of Great Britain, under the House of Stuart. 2 Vols. London, 1759 (русский перевод: Д.Юм. Англия под властью дома Стюартов. 2 тт. СПб: Алетейя, 2001-2003); Hume D., Smollet. History of England. Hartford, 1827.

систематизировав документы, относящиеся к истории Англии XVII века. Его издания парламентских актов с комментариями¹ до сих считаются образцовыми и широко используются специалистами по истории Англии времен правления Стюартов. Среди наиболее известных его работ, освещающих данный период английской истории: «История Англии от восшествия на престол Якова I до начала гражданской войны, 1603-1642 гг.», «История Великой гражданской войны, 1642-1649 гг.», «Томас Уэнтворт, первый граф Страффорд»² и др. С.Р. Гардинер выступал как сторонник религиозной терпимости и осуждал насилие на религиозной почве, считая гражданскую войну в Англии «пуританской революцией».

Наиболее значительным вкладом данного периода в изучение парламентской истории и импичментов, несомненно, стоит считать издание всех парламентских актов, предпринятое Томасом Хоуэллом³.

XX век принес понимание импичмента как судебного разбирательства особого рода, принадлежащего полю политической, а не правовой культуры. В центре внимания исследователей оказались ранние импичменты, повлиявшие на складывание представлений об измене, а также многочисленные импичменты периода гражданской войны в Англии⁴. Расцвет изучения практики импичмента относится к американской историографии 1970-х гг., сконцентрировавшейся на проблеме президентского импичмента. Создавая правовую базу импичмента, Рауль Бергер⁵ обратился к римской и

---

¹ Gardiner S.R. Parliamentary debates in 1610, 1621, 1626. London, 1862-71.

² Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War, 1603–1642. 10 vols. London, 1883-4; Gardiner S.R. History of the Great Civil War, 1642–1649. 5 vols. London, 1893; Gardiner S.R. Thomas Wentworth, first Earl of Strafford. London, 1899.

³ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the present time. 33 vols. London, 1809; Howell T.B. A complete collection of State trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the year 1783. 21 Vols. London, 1816.

⁴ Ruigh R.E. The parliament of 1624. Politics and foreign policy. USA, 1971; Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993; Orr D.A. Treason and the State. Law, Politics and Ideology in the English Civil War. Cambridge, 2002.

⁵ Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. Harvard, 1973.

варварской практикам, заложив основы научного подхода к изучению высокой измены (high treason). Той же темой, но уже на английском материале, параллельно занимался Джон Беллами, ограничив круг исследуемых материалов поздним средневековьем и эпохой Тюдоров¹. Помимо специализированных исследований по теории права по-прежнему пользовались популярностью биографии представителей раннестюартовского дворянства, дающие нам наиболее обширный материал по истории XVII века. Среди таких работ биографии Оливера Кромвеля и Томаса Уэнтворта за авторством Вероники Веджвуд² и Эдварда Коука авторства Стивена Уайта³.

Для новейших исследовательских работ XXI века характерной чертой является внимание к переходным эпохам и явлениям, прежде остававшимся без внимания. В русле этого направления «новая» политическая история активно осваивает пространство раннестюартовского двора и парламентской культуры⁴.

В советской историографии тема импичментов 1621-41 гг. не пользовалась популярностью, оставаясь в тени гражданской войны в Англии, которой и была посвящена основная масса работ марксистского толка по истории Англии XVII века⁵.

В современной отечественной историографии наиболее полное исследование двора раннестюартовской Англии принадлежит Федорову С.Е.⁶

---

¹ Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. Cambridge, 1970; Bellamy J. The Tudor law of treason (Routledge Revivals): An Introduction. UK, 2013.

² Wedgwood C.V. Thomas Wentworth, 1st Earl of Strafford. London, 1961 (first published in 1935); Wedgwood C.V. Oliver Cromwell. London, 1973 (f. pub. in 1939).

³ White St. D. Sir Edward Coke and the Grievances of the Commonwealth. USA, 1979.

⁴ Cesare Cuttica and Glenn Burgess, ed. Monarchism and absolutism in early modern Europe. №4. USA, 2012; Healy S.M. Crown Revenue and the Political Culture of Early Stuart England. University of London, 2015; Wormald P. Papers Preparatory to the making of English law: King Alfred to the twelfth Century. 2 vols. University of London, 2014.

⁵ Барг М. А. Народные низы в английской революции XVII в.: движение и идеология истинных левеллеров. Москва, 1967; Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция: некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII в. Москва, 1958.

⁶ Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб: Алетейя, 2005; Федоров С.Е. Титулованная знать и династия в раннестюартовской Англии // Нобилитет в истории Старой Европы. СПб, 2010. С. 164-193.

Также тема придворной жизни и импичментов в частности затрагивалась в различных работах Бурова С.В.¹, Савченкова Р.В.² и Александровой С.П.³

Степень изученности темы определила задачи исследования:

- рассмотреть сложившуюся к XVII в. традицию восприятия измены и импичмента в английской политической культуре;
- изучить основные документы и акты, составляющие правовую основу импичмента в Англии;
- ознакомиться со всеми доступными материалами, касающимися дел об импичментах, слушавшихся в английском парламенте с 1621 по 1641 гг.;
- на основании парламентских актов об импичментах проследить политику палаты общин на этапе, непосредственно предшествующем периоду гражданской войны;
- вынести суждение о роли импичментов 1621-41 гг. в истории гражданской войны и истории Англии XVII века в целом.

Поставленные задачи определили источниковую базу исследования, включившую в себя:

- акты парламента, в том числе обвинительные акты обеих палат, стенограммы заседаний парламента, а также акты с показаниями стороны защиты;

---

¹ Буров С.В. Фракции и политическая борьба при дворе Карла I Стюарта // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №7. С. 220-277.

² Савченков Р.В. Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года): дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2011; Савченков Р.В. Импичмент Бэкона и Палата общин (1621 г.) // Вестник. СПб, 2007. Сер.2. Вып. 1. С. 198-203; Савченков Р.В. Борьба с монопольными патентами в парламенте 1621 года // Молодой ученый. Чита, 2011. Вып. 2. С. 34-38.

³ Александрова С.П. Импичмент герцогу Бекингеми как проявление резких противоречий между оппозицией и королем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Том 9. №46. С. 159-169; Александрова С.П. Основные направления борьбы парламентской оппозиции за ограничение власти короля в период первого парламента Якова I // Правоведение. 2006. №6. С. 167-182; Александрова С.П. Возрождение права Палаты общин на импичмент как попытка установить контроль над исполнительной властью // Правоведение. 2005. №6. С. 180-195.

- основные правовые документы Англии, такие как Великая хартия вольностей, статуты и акты об измене 1352, 1414, 1416, 1423-24, 1429-30 и других годов;

- биографические очерки современников событий.

Основными методологическими принципами работы послужили метод проблемно-хронологического и структурно-семантического анализа. Проблемно-хронологический анализ использовался для определения периодов и этапов становления импичмента в рамках парламентской культуры Англии. Метод структурно-семантического анализа применялся непосредственно к текстам импичментов с целью выявления их внутренней логики и содержания.

Научная новизна исследования определяется прежде всего обращением к документальным источникам по истории Англии XVII века. Выявленная в ходе исследования внутренняя структура импичментов позволила отнести их к области политической культуры, изъяв их из-под влияния культуры правовой. Совокупный анализ данных документов позволил вписать их в исторический контекст эпохи и сделать ряд новых выводов о предпосылках гражданской войны.

Практическая значимость исследования заключается в возможности по-новому взглянуть на широко освещенную в историографию тему гражданской войны в Англии и проанализировать ее через призму политической культуры Англии первой половины XVII века.

Структура исследования определяется поставленными задачами. Основная часть диссертации состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников и литературы. Первая глава представляет собой анализ правовых документов, повлиявших на складывание представлений об измене и порядке слушания дел об импичментах. Следующие три главы несут на себе основную исследовательскую нагрузку и рассматривают импичменты 1621-1641 гг. по трем группам. Первая глава охватывает ранние импичменты 1621-1624 гг., отдельно анализируя малые импичменты 1621 года и импичменты

1624 года. Вторая глава данного исследования посвящена рассмотрению импичментов 1625-1628 гг., в числе которых импичмент Ричарду Монтегю, Джорджу Вилльерсу и Роджеру Мэйнуорингу. Последняя глава целиком посвящена наиболее исследованному и широко известному импичменту 1640-1641 гг. – импичменту Томасу Уэнтворту, графу Страффорду. Помимо хронологического анализа в каждой главе выделен один крупный импичмент, который положен в основу сравнительного анализа: импичмент графа Миддлсекса во второй главе, импичмент герцога Бекингема в третьей и, соответственно, импичмент графа Страффорда в четвертой.

Английские имена приведены в соответствии с современной системой транскрипции, за исключением укоренившихся в русском языке случаев («Бекингем», «Гленвил», «Говард»).

Глава 1. Эволюция представлений об измене в средневековой Англии

Само понятие измены в истории Англии имеет огромное значение не только из-за своей экстраординарной природы, но и из-за возможных политических последствий. Со времен Генриха III измена каралась самым жестоким образом. Так, Акт об измене 1352 года (далее: Акт) устанавливал для обвиняемого наказание через повешение, потрошение и четвертование (ориг. [to be] hanged, drawn and quartered), которое к тому моменту уже неоднократно применялось против изменников. Так, в своей Английской хронике Матвей Парижский упоминает, что человек, покусившийся на жизнь Генриха III, был «разорван пополам, затем обезглавлен, а его тело было разделено на три части; каждая часть затем быть проташена через один из главных городов Англии, а потом повешена на виселице для воров»¹. Суровость наказания соответствовала серьезности преступления, так как для подданного не могло быть ничего страшнее измены короне.

Представления об измене формировались продолжительное время и под влиянием целого ряда факторов, синтезировавших германские, римские и христианские традиции.

Германский элемент в английских представлениях об измене был прежде всего основан на представлении о предательстве или нарушении клятвы (*treubruch*)² по отношению к своему господину. В раннем германском праве отсутствуют идеи о преступлении против человечества; преступления, как правило, носят исключительно материальный характер, поэтому преступник был ответственен не перед государством, а перед потерпевшей стороной³.

---

¹ Matthew of Paris. *Matthew Paris's English History: From the Year 1235 to 1273*. 3 vols. London, 1852. Vol. I. P. 139.

² Lear F.S. *Treason and related offenses in Roman and Germanic Law* // The Rice Institute Pamphlet. 1955. Vol. 42. №2. P. 43.

³ Санников С.В. Развитие представлений о преступлениях против королевской власти в раннесредневековой германской культуре: от частного правонарушения к государственной измене // *ΣΧΟΛΗ*. 2010. №4(1). С. 81.

С развитием варварских обществ мы можем наблюдать появляющееся разделение на преступления публично-правовые и частноправовые. Преступления, попадающие в первую категорию, являются сакральными по своей сути и направлены против всего сообщества (например, военные преступления). Вторые носят частный характер и караются кровной мстью или штрафом.¹ Одним из наиболее ранних сакральных преступлений считается нарушение сакрального мира, которое каралось выплатой штрафа; в дальнейшем представления о сакральном мире трансформировались в международное право XV века. Помимо сакрального мира, древнегерманское право особо выделяет также королевский мир и преступления против него, т.е. нарушение порядка или покушение на жизнь человека в присутствии короля. В преступлениях подобного рода уже четко прослеживаются черты будущих актов об измене. Так, в законах короля Этельберта содержится норма, устанавливающая штраф в двойном размере за преступления, совершенные в присутствии короля². В законодательстве Альфреда мера пресечения более сурова, вплоть до смертной казни³. Последовательное ужесточение наказаний за нарушение королевского мира ясно отражает изменение отношения к королю в раннесредневековых королевствах.

Свержение правителей и выдвижение на их место новых – частая позднеантичная и раннесредневековая практика; на этом фоне особенно четко выделяется сакрализация королей Высокого Средневековья. В случае разногласий между вассалом и господином, в качестве которого нередко выступал сам король, древний германский обычай предусматривал поединок, в котором победить должен был тот, на чьей стороне благоволение богов. Подобное поведение со стороны короля расценивалось как высшая храбрость и способность самостоятельно победить своих врагов. Вопросы покушения на жизнь раннегерманского правителя не были закреплены в праве, которое, по

---

¹ Санников С.В. Развитие представлений о преступлениях против королевской власти в раннесредневековой германской культуре ... С. 82.

² Lisi O. *The Beginnings of English Law*. Toronto, 2002. P. 85.

³ Attenborough F.L. *The Laws of the Earliest English Kings*. Cambridge, 1922. P. 75.

большой степени, регулировало частную жизнь германского общества. Такие случаи были ситуациями экстраординарными, и самому королю принадлежало право казнить или миловать. Покушение на жизнь короля – это нарушение *fidelitas*, основополагающего принципа верности, заимствованного, по всей видимости, из римского права, на что указывает сходство трактовки преступлений об измене у англосаксов, франков, лангобардов и остготов. Также нельзя умалять и влияние христианства на развитие представлений о преступлении против короля как о греховном деянии.

Синтез германских и римских правовых норм затронул англосаксонские законы в меньшей степени, чем, скажем, законы франков, но и здесь достаточно быстро сформировалось представление, что преступления против короля – преступления особой тяжести, и судить за это преступника должен сам король. Первое упоминание об измене (*high treason*) мы встречаем в законах Альфреда, где преступления против короля выделялись в особую группу по отношению к преступлениям против лордов¹. В этих законах заметно римское влияние, так как речь в них идет не только о совершенном преступлении, но и о замысле такового. В средневековых актах об измене так или иначе будут звучать все римские правовые нормы: преступления или замысел преступления против должностных лиц, находящихся при исполнении своих обязанностей, оскорбление короля, насилие над женщинами из числа королевской семьи, помощь врагам короля, подделка монеты и т.д. На тот момент еще рано говорить о сложившейся традиции, так как в законах последующих королей мы не находим выделения законов о преступлении против короля из массы законов о преступлениях против лордов.

---

¹ Attenborough F.L. *The Laws of the Earliest English Kings*. Cambridge, 1922. P. 65-66.

Постепенно в Англии складывается традиция изучения римского права¹. Нередкими были случаи, когда англичане отправлялись обучаться праву в Болонью (среди них были ученики Томаса Бэккета²), а затем создавали свои школы в Оксфорде и других просветительских центрах Англии. В конце XII века английские библиотеки обзавелись значительным числом книг по римскому праву. К сожалению, они представляли собой не классическую, а средневековую выборку, повторяющую одни и те же имена.

Впервые требования о новом, правильном переводе Юстиниана прозвучали в правление Генриха II³. С этого момента началось углубленное изучение римского права. Тогда же, в XII веке, началась дискуссия о применении римских правовых терминов, не имеющих аналогов в английском языке.

В отличие от практиков, по-прежнему опирающихся на общее право, теоретики и авторы средневековых трактатов находились под большим влиянием римской традиции. Так, на автора, который нам известен под именем Гленвилла (Glanvill), в большой степени повлияли римские трактаты *ordines iudicarii*⁴. Касалось это в первую очередь способа разбивки и подачи материала, а не его содержания, на которое у него мало прямых отсылок. Гленвилл больше опирался на практику королевских судов своего времени и не видел причин заимствовать пассажи из гражданского и канонического права. Когда он касается темы измены, мы находим у него подтверждение сложившейся практике воспринимать ее как преступление против королевского достоинства, относящееся к области гражданского права⁵.

Элементы преступлений, касающихся убийства или изнасилования, явно заимствованы из англосаксонских традиций, а вот преступления,

---

¹ Re E.D. The Roman Contribution to the Common Law // Fordham Law Review. 1961. Vol. 29. Is. 3. P. 448.

² Baker J. The Oxford History of the Laws of England. 13 vols. Oxford, 2003. Vol. VI. P. 21

³ Ibid. P. 21-22.

⁴ Wieacker F. The Importance of Roman Law for Western Civilization and Western Legal Thought // Boston College International and Comparative Law Review. 1981. Vol. 4.2. P. 1-2.

⁵ Glanville R. A translation of Glanville. London, 1812. P. 344-348.

связанные с военной службой и предательством страны, могли иметь двойственное происхождение. С одной стороны, в германской традиции мы видим преступления *landesverrat* – против земли и народа, т.е. покушение на жизнь любой организованной группы людей. Одновременно истоки этого можно найти у глоссаторов римского права, которые упоминали верность родине (*patria*). Тем не менее, есть и третье объяснение. Это может быть традицией перенесения священности фигуры короля на страну в целом; до XIV века понятие «*regnum*» редко встречается в трактатах, но оно могло трактоваться и как «корона» и означать единство короля со своими вассалами¹.

В XIII в. интерес к детальному изучению римского права существенно снизился. Немаловажной причиной послужило принятие Великой хартии вольностей (*Magna Carta*) в 1215 году, существенно ограничившей теократические стремления английских королей. Римскому праву была отведена роль заполнения лакун в молодом общем праве Англии.

Одним из главных популяризаторов этих идей стал Брактон². Вслед за Гленвиллом, он называет измену «*laesa maiestas*» - термином, который позаимствуют его переписчики и монастырские хроники, но который не войдет в употребление в юридической практике вплоть до времени правления Эдуарда IV. Как и Гленвилл, главными обвинениями в измене Брактон считает преступления против короля и армии (но не против страны). Другим пунктом обвинения по Брактону является подделка: изготовление поддельной монеты, порча хорошей монеты и фальсификация королевской печати³ (Гленвилл, судя по всему, подразумевал только последнее)⁴. Источником для Брактона могла служить глава «*De Falsa Moneta*» из Кодекса Юстиниана. Таким образом, мы

---

¹ Bellamy J.G. *The Law of Treason in England in the later middle ages*. P. 6.

² Hunter W.A. *A Systematic and Historical Exposition of Roman Law in the Order of a Code*. London, 1803. P. 109-110.

³ Bracton H. *De Legibus et consuetudinibus angliae*. 6 vols. Cambridge, 2012. Vol. II. P. 257-261.

⁴ Finlason W.F. *Reeves' History of the English Law: From the time of the Romans to the end of the reign of Elizabeth*. 5 vols. London, 1869. Vol. I. P. 160.

видим, что Брактон расширил толкования Гленвилла, основываясь на своих обширных познаниях в римском праве.

Позднее средневековье стало временем формирования новой системы управления – абсолютизма – системы, помещающей персону короля в центре земного мира. Несмотря на то, что расцвет абсолютизма пришелся на конец XVI-XVII вв., что во многом было связано с развитием идей Ренессанса и переоткрытием «Политики» Аристотеля, корни этого явления уходят глубоко в средние века.

Долгое время рост власти монархов сдерживался влиянием католической Церкви. Концепция послушания и повиновения, процветавшая в духовной среде XI века, подразумевала повиновение папе Римскому, но никак не королю, вынужденного считаться с мнением Церкви из страха отлучения. Тем не менее, подобное положение вещей устраивало далеко не всех монархов, а жесткая политика некоторых пап бросала тень на подобную практику. Несмотря на то, что в противостоянии светской и духовной властей в XI веке (имеется в виду конфликт между Григорием VII и Генрихом IV)¹ одержал победу папа Римский, европейские короли взяли уверенный курс на освобождения от власти Церкви и на получение права назначать епископов и судить их королевским судом. Средневековые монархи обратили свой взор на римские законы и нашли в них подтверждение своей священной власти; если германский король правил своими людьми по праву силы, то император нового типа был прямым ставленником Бога, что ставило его выше любого закона. Подобные взгляды как нельзя лучше соответствовали духу эпохи.

Ко времени классического Средневековья сложилось устойчивое представление о монархе как заместителе Бога на земле. Несмотря на то, что в Европе существовала Священная Римская империя, возглавляемая императором, чей авторитет был существенно выше, чем авторитет короля,

---

¹ подробнее: Healy P. The Chronicle of Hugh of Flavigny: Reform and the Investiture Contest in the Late Eleventh Century. London, 2006; O'Brien J.A. The Investiture Confrontation Between Pope Gregory VII and King Henry IV. USA, 1989; Cowdrey H.E.J. Pope Gregory VII, 1073-1085. Oxford, 2004.

все остальные монархи боролись за то, чтобы считать себя равными ему в суверенитете. В 1202 году король Иоанн приравнял королевство Англии к империи¹. Весь XIII век был отмечен юридическими спорами о соотношении власти императора и короля. De facto король имел ту же власть в своем королевстве, что и император в своей империи, но de iure это было закреплено только в XIV веке, когда была принята знаменитая формула Гвидо де Байсио (Guido de Baysio), говорящая о том, что «каждый король есть император в своем королевстве» (лат. «rex superiorem non recognoscens set princeps in regno suo»)².

В период раннего средневековья обязанностью вассалов было демонстрировать верность королю, а не повиновение. Более того, верность должна была быть обоюдной, и договор действовал только до тех пор, пока обе стороны исполняли свои обязанности. Ни один участник договора не был свободен – его связывали законы королевства³. При оммаже обе стороны негласно принимали тот факт, что вассал будет верен своему господину, только пока тот будет совершать поступки, угодные Богу, в противном же случае вассал освобождался от верности плохому монарху, так как в конечном счете единственная цель любого человека средних веков – в служении высшей истине. Эта практика нашла свое яркое выражение в Англии в 1215 году, когда бароны-бунтовщики назвали себя «армией Бога и святой церкви»⁴. В XIII веке бунт против короля, как правило, не ассоциировался напрямую с изменой, но чем ближе к XVI веку, тем больше любое неповиновение воли короля приравнивается к неповиновению воли Бога, а значит является самым тяжким из возможных преступлений.

---

¹ Schulz F. Bracton on Kingship // English Historical Review. 1945. Vol. 60. №237. P. 151.

² Cuttler S.H. The Law of Treason and Treason Trials in Later Medieval France. Cambridge, 1981. P. 9.

³ Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. P. 10.

⁴ Craik G.L., Macfarlane C. The Pictorial History of England: Being a History of the People, as Well as a History of the Kingdom. 8 vols. New York, 1846. Vol. I. P. 510.

Трудно переоценить значение баронского восстания 1215-16 гг. и принятие Великой хартии вольностей (далее: Хартия) для английской истории и, в частности, права. Это широкое движение поставило перед собой цель не просто принять новый документ, закрепляющий свободы человека, но и изменить систему управления страной, вернув ее к «доброму» порядку времен Генриха I. Сама по себе хартия свободы и привилегий не была новшеством для XIII века. Еще в XII веке Лондон получил от короля право на самоуправление, формируя коммуны во времена слабого правления короля Стефана или отсутствия Ричарда в Крестовом походе. Помимо Лондона, право самостоятельного выбора официалов имел и ряд других, более мелких городов Англии¹. Специфическим же новшеством Хартии стало дарование прав всем свободным людям королевства, а не только определенной группе.

Согласно традиционному взгляду на Хартию, который пропагандировался вигами, мятежные бароны создали документ о всеобщем равенстве, являвшийся прообразом «Билля о правах» 1689 года и заложивший основы демократии XIX века. Другая точка зрения, сформировавшаяся в XIX веке, напротив, считала этот документ полностью феодальным и вызванным насущным желанием баронов захватить максимум личной власти, воспользовавшись слабостью короля Иоанна². Современный взгляд на Хартию предполагает более умеренную и компромиссную оценку. Ошибкой было бы низводить Хартию до простого списка вещей, которые не устраивали мятежников; это, безусловно, продуманная и обширная программа общественных преобразований. Тем не менее, Хартия была продуктом своего времени и тех идей, которые жили в английском обществе и были заложены в общем праве королевства. Идеалом для них служили не оторванные от реальности утопические идеи о равенстве, а «старые добрые законы», по которым жили их предки³. Трудно усмотреть в Хартии и идеи демократии;

---

¹ Turner R.V. Magna Carta: through the ages. UK, 2003. P. 58.

² Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М, 1918. С. 45-46.

³ Drew K. F. Magna Carta. London, 2004. P. 38.

идеалом общественного управления они скорее видели систему, при которой в стране царило бы «всеобщее согласие», т. е. справедливая королевская власть, опирающаяся на мнение и советы достойных мужей королевства.

63 статьи Хартии условно можно разделить на 6 групп, касающихся вопросов Церкви, прав баронов, административного управления, отправления правосудия, дальнейшего устройства и гарантий со стороны короля. Для нас особенно важна последняя группа статей, огромным значением среди которых обладает 61 статья, призывающая «чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти, охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей хартией нашей»¹². Фактически, 61 статья закрепляла права баронов на бунт, если с их мнением не будет считаться король, а также, совместно со статьями 14-16, очерчивала круг обязательств и прав будущего английского парламента. Идея о том, что все свободные люди королевства представляют собой корпорацию, отдельную от королевской власти и ведомую своими собственными интересами, была, безусловно, новой и угрожающей королевской власти.

Для нашего исследования также важно обратить внимание на статью 39: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его [его пэров] и по закону страны»³. Долгое время споры вызывала последняя фраза, в латинском оригинале которой используется союз *vel*, который одновременно мог означить «и» и «или»⁴. Противопоставлялись ли в ней суд равных (который

---

¹ здесь и далее перевод Д. М. Петрушевского. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М., 1918.

² Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М., 1918. С. 124-126.

³ Там же. С. 119.

⁴ Turner R.V. Magna Carta: through the ages. P. 72-73.

пока не имел ничего общего с тюдоровским судом пэров) и суд земли, который, скорее всего, означал суд общего права? В данном случае нам видится, что противоречия не подразумевалось; тем не менее бароны явно отдавали приоритет суду равных, желая, чтобы их судили другие пэры, а не королевские судьи.

Хартия стала огромным шагом на пути формирования договорной теории государства, получившей распространение в Англии в XVII-XVIII веках, а ее идея о равенстве всех свободных людей стала переходом от идеи взаимных обязательств вассала и лорда к отношениям правителя и подданных в целом.

Другим – менее известным, но не менее значимым для нашего исследования – стал документ, принятый в правление Эдуарда III - Акт об измене 1352 г. Этот статут кодифицировал и упорядочил систему судебных разбирательств по делам об измене, став одним из старейших актов, до сих пор действующих в английском праве¹. Ввиду его небольшого объема и исключительной важности, приведем его целиком:

«Объяснение, какие преступления считать изменой. Замысел убийства короля, королевы или их старшего сына; насилие над королевой, старшей дочерью короля или женой их старшего сына; разжигание войны; пособничество врагам короля; убийство канцлера, казначея или судей при исполнении ими своих обязанностей.

В силу того, что ранее существовали различные мнения (что считать изменой, а что нет), король, по просьбе лордов и общин, дает далее свое объяснение, в котором говорится: когда человек готовит или замышляет убийство своего господина короля, или его леди [королевы], или их старшего сына и наследника, или если человек совершает насилие над [супругой] короля, или старшей незамужней дочерью короля, или женой старшего сына короля и его наследника, или если человек призывает к войне против своего

---

¹ Ridges E.W. Constitutional Law of England. London, 1905. P. 125-126.

господина короля в его королевстве, или способствует врагам короля в его королевстве, помогая им и давая кров в королевстве или где-либо еще, или [возможно] подписывает договор с такими людьми:..., и если человек убивает канцлера, казначея или судей королевской скамьи, или окружных судей, или присяжных судей, или любых других судей, должных слушать и решать, на их месте, во время исполнения ими своих обязанностей: и, следует считать, что в случаях, упомянутых выше, по мнению нашего господина короля и его королевского величества, его следует судить за измену»¹.

Документ этот кажется предельно ясным и не допускающих двойных толкований. Тем не менее существовал серьезный нюанс: к «Объяснению» прилагалась также одна оговорка (*salvo*). Вот ее текст: «И, поскольку в грядущие времена могут случиться другие прецеденты измены, которые в настоящее время никто не может помыслить или предсказать, в случае предполагаемой измены, которая пока не подтверждена и не рассмотрена судьями, судьи не должны выносить суждение об измене, до тех пор, пока сам король и его парламент не разрешат, измена это или другое преступление»². Эта оговорка вызовет огромное количество дебатов в XVII веке, так как оппоненты импичментов полагали, что она ограничивает власть парламента. Попробуем разобраться в ее значении.

Очевидно, фраза «пока не подтверждена и не рассмотрена судьями» имела своей целью ограничить произвол судей. Действительно, в судебной практике мы находим немало свидетельств, что судьи могли вынести ошибочный приговор не только по недосмотру, но и в корыстных целях. Незадолго до принятия акта в Англии прошли судебные разбирательства, затрагивающие высокопоставленных людей – графа Ланкастера (1322) и Роджера Мортимера, графа Марча (March) (1330). Борясь с ограничением оговорки, судьи непрерывно расширяли список преступлений, по которым они

---

¹ UK legislation acts. URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3Stat5/25/2> (дата обращения: 16.03.2016).

² Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. Harvard, 1973. P. 8.

могли самостоятельно вынести вердикт об измене, советуясь с парламентом только в особо запутанных случаях. В такой ситуации действовал старый принцип, согласно которому «дело не может быть рассмотрено нигде, кроме как в парламенте <...> и, в соответствии с древними обычаями, лордам парламента принадлежит право и свобода судить по собственному выбору»¹.

В 1352 году Эдуард III был героем, пользующимся одновременно поддержкой баронов и парламента, и в стране совершалось крайне мало преступлений того толка, какие были оговорены в статуте. Очевидно, целью статута являлось разграничение понятий измены и фелонии (тяжкого преступления), дабы предотвратить в дальнейшем произвол и намеренную подмену понятий судьями². Дополнительной выгодой было укрепление королевской власти и складывание представления, что преступления против короля разительно отличаются от преступлений против любого другого человека в королевстве.

Стоит отметить, что, благодаря оговорке, в дальнейшем случались прецеденты, когда людей судили по обвинению в измене за преступление, не указанное в статуте. Но судьи XIV и XV веков обращались к статуту за четким определением измены и редко опирались на общее право. Открытие общего права и прецедента заново произошло в XVI веке, что в дальнейшем вылилось в целый ряд импичментов по обвинению в измене в XVII веке³.

Что касается сути обвинения, то парламент мог объявить действие изменой, даже если ранее акт 1352 года не расценивал это действие как измену, а «подлежащая рассмотрению в суде государственная измена не является необходимым условием для импичмента»⁴. Нарушения, влекущие за собой импичмент, могут быть различны по составу преступления. Несмотря на то,

---

¹ Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. Harvard, 1973. P. 13-14.

² Stephen J.F., Smith K.J.M. Selected Writings of James Fitzjames Stephen: A General View of the Criminal Law. Oxford, 2014. P. 80-81.

³ Whitelock B. Memorials of the English affairs from the beginning of the reign of Charles the First to the Happy Restoration of king Charles the Second. 4 vols. Oxford, 1853. Vol. I. P. 129.

⁴ Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. P. 52.

что большинство импичментов являются следствием обвинения в государственной измене, исторически импичмент не являлся наказанием за преступление.

Наиболее часто встречающаяся формулировка в импичменте – обвинение в особо тяжких преступлениях и правонарушениях (*high crimes and misdemeanors*). Подобная формулировка носит общий, технический характер, обозначая, по сути, любое правонарушение и впервые встречаясь еще в работах Брактона¹. Это выражение является необходимой риторической фигурой для импичмента и не имеет отношения к конкретному судебному разбирательству. Тяжкие преступления (*great offenses*), за которыми чаще всего следует импичмент, подразумевают: растрату денежных средств, злоупотребление властью, пренебрежение полномочиями, посягательство на парламентские прерогативы и коррупцию. Таким образом, импичмент следует относить не к области уголовных дел, а к политическим судебным делам.

Подобная практика успешно действовала в XIV веке, но отказывалась работать в изменившихся условиях XVII века. При Стюартах эта полемика возобновилась, породив множество интерпретаций, далеко ушедших от оригинального Акта об измене 1352 года.

Больше всего споров вызывало назначение и истинная сущность оговорки в конце акта. Несмотря на то, что многие исследователи этого вопроса еще в XVII веке указывали на отсутствие тут злого умысла со стороны парламента², примеры судебных разбирательств говорят об обратном. Так, вердикт лорду Латимеру в 1376 году по делу, инициированному общинами, был вынесен «прелатами и лордами при полном собрании парламента»³, а дело общин против графа Саффолка 1386 года было разрешено только после того, как лорды обвинили его в измене. В 1394 году приговор по делу сэра Томаса

---

¹ Bracton H. *De Legibus et consuetudinibus angliae*. 6 vols. Cambridge, 2012. Vol. II. P. 545-548.

² Berger R. *Impeachment: The Constitutional Problems*. P. 17-18.

³ *Ibid.* P. 21.

Талбота был вынесен на заседании палаты лордов в присутствии короля¹. Практика показывает, что общины были вольны инициировать импичменты, но в дальнейшем влияли на процесс мало, а решение о вине принималось исключительно лордами, что, по большому счету, минимизировало ценность любого начинания общин. Это становится очевидным, если посмотреть на статистику. Так, в течение 1352 года общины предоставили королю 39 петиций, удовлетворительные же ответы от короля они получили только на три петиции, которые стали статутами².

Чтобы устранить недопонимание, следует сказать, что Акт 1352 года не был наступлением на права общин и не лишал их права выносить решения. Скорее, его следует полагать закреплением устоявшейся нормы, согласно которой судьи и до этого часто советовались с парламентом для принятия окончательного решения. Таким образом, оговорка в акте была нужна для того, чтобы пояснить, как старые нормы должны уживаться с новыми законами.

В Англии представления об измене так никогда до конца и не приняли своей окончательной формы, так как Великая хартия вольностей и парламент не позволили английским королям получить столько власти, сколько бы им хотелось, но правители Англии предпринимали для этого множество попыток, отгораживаясь от парламента Частным советом и королевским двором. Во Франции, где римское право имело большее распространение, и где не сложилось оппозиции баронов, король с легкостью уничтожал все силы, встававшие на его пути³.

В XIII веке во французской судебной практике появилась обширная категория преступлений, так или иначе затрагивающих королевское достоинство – *cas royaux*. В отличие от измены, эти преступления никогда не

---

¹ подробнее: Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. Cambridge, 1970.

² Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. P. 21-22.

³ Cuttler S.H. The Law of Treason and Treason Trials in Later Medieval France. Cambridge, 1981. P. 18.

были конкретно определены и представляли собой разнообразные умаления власти королей: от казнокрадства и продажи крепостей до негативных высказываний в адрес короля¹. Среди этих преступлений есть те, которые английская практика относилась к измене, но вряд ли уместно говорить о заимствовании. Скорее всего, причина сходства в том, что и французские, и английские юристы черпали идеи из одного источника – римского права.

В отличие от Англии, где дела об измене рассматривались в обычном судебном порядке, во Франции для суда по тяжким преступлениям против короля применялась «экстраординарная процедура»². Смертный приговор мог быть вынесен только в том случае, если суд признает изменника виновным, но пытки являлись приемлемым способом добиться признания. Как и в Англии, преступлением было не только деяние, но и сам преступный замысел. От любого, кто услышал о заговоре, ожидалось, что он немедленно донесет о нем королю. Преступления против короля карались суровее, чем любые другие. Во Франции полагалось содрать кожу с живого преступника или повесить его, а затем четвертовать, предварительно, как и в Англии, протащив к месту казни вслед за лошастью. В случае, если дело квалифицировалось как измена или еретичество, имущество преступника отходило королю, а его фьефы возвращались феодалам. Иногда дети изменника также расплачивались своими жизнями. Последствия измены для преступника были очень схожи во всех странах Европы того времени. Так, Золотая булла Карла IV определяет условия конфискации имущества изменника в схожих терминах³.

Таким образом, в XIV веке понятие об измене являлось сложной смесью римского права, германского обычая и современной судебной практики. Акт 1352 года в Англии является действующим на данный момент, а все попытки

---

¹ подробнее: Perrot E. Les cas royaux: origine & développement de la théorie aux XIII et XIV siècles. Paris, 1910.

² Cuttler S.H. The Law of Treason and Treason Trials in Later Medieval France. Cambridge, 1981. P. 62.

³ Pütter J.S. An historical development of the present political constitution of the Germanic empire. 3 vols. London, 1790. Vol. I. P. 289.

расширить его, включив в него, по примеру Франции, пункты о казнокрадстве и похищении женщин, предпринятые Эдуардом III, оказались безуспешными¹. В этом случае сошлись два фактора: с одной стороны, бароны не хотели расширения категории преступлений против короля, с другой – король опасался, что бароны могут обвинить в этих преступлениях его собственных пэров.

Период с 1381 по 1485 годы отмечен многочисленными народными волнениями, поэтому осуждения по обвинению в восстании против короля в его королевстве и покушении на его жизнь не были редкостью. Несмотря на это теоретики права продолжали спорить, какие преступления стоит считать изменой, а какие тяжким преступлением. Согласно Беллами: «Так, двадцать присяжных из сотни в Даунхэмфорде (Downhamford), Кент, нашли, что некоторые восставшие, организовавшие мятеж и вломившиеся в дом Томаса Гэрвинтона (Garwynton) в Уэльсе действовали как преступники и изменники <...> С другой стороны, присяжные Боутона (Boughton), осудившие Джона Хейлса, Джона Тэтчема и других за те же преступления, признали их обычными нарушителями закона»². В Лондоне преступлениями, попавшими в категорию измены, стали: вторжение в тюрьму Маршалси и освобождение пленников³, поджег Гилдхолла⁴, ограбление казначейства, проникновение в Тауэр⁵ и другие преступления, не попадавшие в Акт 1352 года. Судьи с готовностью называли изменой то, что, по их мнению, подходило под описание измены, а именно – покушение на короля и его достоинство.

Помимо Акта 1352 года существовали и другие акты или дополнения, не получившие широкого распространения, но, тем не менее, иногда принимавшиеся к сведению. Так, в апреле 1414 года в Лестере был принят акт,

---

¹ Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. P. 14.

² Ibid. P. 103.

³ Cohn S.K., Aiton D. Popular Protest in Late Medieval English Towns. Cambridge, 2013. P. 75-76.

⁴ Ibid. P. 106-110.

⁵ Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. Ibid. P. 104.

который признавал изменой нарушение перемирия, заключенного королем, или убийства переговорщика другой стороны. Беллами отсылает нас к римской практике *ius gentium* и выросшего из него международного права, но также можно вспомнить и германскую практику сакрального мира. Международное право в Англии включало в себя законы о торговле, мореплавании и войне, причем первая и вторая категория всегда были для Англии приоритетными, не даром большая часть обвинений знаменитого импичмента, вынесенного герцогу Бекингеми, касается именно этих правонарушений. Данный акт не просуществовал долго и был отменен парламентом 1429-30 гг. по требованию недовольных мореплавателей, которым этот акт мешал заниматься пиратством. Также была проведена амнистия уже обвиненных по этому акту¹. Акт 1416 года прояснял пункт Акта о порче монеты. Акты 1429-1430 года добавили статью о поджоге и т.д.²

Другой инициативой парламента было принятие в 1423-24 гг. акта, согласно которому, в случае, если человек, подозреваемый в измене и находящийся под стражей, совершит побег, то он автоматически признается виновным в измене. Очевидно, эта инициатива явилась реакцией на совершенный незадолго побег из Тауэра Томаса Пэйна, Томаса Эксетера и сэра Джона Мортимера³. Подобная инициатива являлась беспрецедентной, так как в этом случае человек признавался виновным в измене без судебного разбирательства. Тем не менее, у нас нет свидетельств, что к этому акту когда-либо прибегали до 1485 года.

Как мы видим, в этот период, преступлений, перечисленных в Акте 1352 года, хватало королям, чтобы обвинить своих недоброжелателей в измене, и зачастую они прибегали к двум обвинениям: в покушении на жизнь короля или войне против него. Те дополнения, которые вносил парламент в акт, либо скоро отменялись, либо использовались крайне редко. Таким образом, мы

---

¹ Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. P. 128-130.

² Bellamy J. The Tudor law of treason (Routledge Revivals): An Introduction. UK, 2013. P. 12.

³ Kingsford C.L. Chronicles of London. Cambridge, 2015. P. 342.

можем говорить о том, что к концу XV века представления об измене вполне сложились в английском обществе и в глазах юристов под влиянием Акта 1352 года.

На момент вступления на престол Генриха VII в английской правовой практике существовало два понятия измены: высшая и малая измена. В то время, как вторая подразумевала убийство того, кому человек должен был быть преданным (хозяина слугой, мужа женой, епископа нижестоящим клириком), первая связывалась только с преступлениями против короля и до конца XIV века не имела определения «высшая»¹.

Трактовка понятия об измене в Тюдоровской Англии опиралась исключительно на Акт об измене 1352 года, а не на более ранние прецеденты, что объясняется тем, что Акт только закреплял те представления об измене, которые уже существовали в общем праве и были основаны на определенных прецедентах². Главной же заботой юристов XV века стало расширить и дать интерпретацию эдвардианской статье, посвященной «замыслу убийства короля». Подобная уклончивая формулировка позволила включить сюда самые разнообразные деяния - от осуждения деятельности короля в переписке до магических ритуалов, предсказывающих будущее – что позволяло короне при удобном случае обвинить любого.

Среди историков, занимавшихся соответствующим вопросом, не сложилось единого мнения о том, как следует оценивать следствия по делу об измене в тюдоровский период: как политический произвол короны или как правовое расширение трактовки понятия. Тем не менее, первая трактовка в значительной степени преобладает.

Большое количество накопившихся за XV век мелких изменений и уточнений привели к необходимости издания нового Акта об измене, что и было сделано в 1495 году по инициативе Генриха VII (также известен как

---

¹ Bellamy J. The Tudor law of treason (Routledge Revivals): An Introduction. P. 9.

² Kinney A.F., Swain D.W. The Routledge Encyclopedia of Tudor England. New York, 2001. P. 710.

статут «Rex de facto»¹). Этот акт не вносил новых преступлений в список, но гораздо строже разделял высшую и малую измену, приравненную к тяжкому преступлению, что вполне отвечало требованиям непростого для короны времени.

Следующее дополнение к Акту было сделано во время правления наследника Генриха VII – Генриха VIII – и было вызвано лондонскими волнениями 1517 года. Новый статут приравнивал к измене нападение с целью убийства или ограбления на путешественников, что могло нарушить заключенные королем перемирия с Францией, Бургундией и Испанией². Несмотря на то, что на первый взгляд обвинение в измене за бунт в городе кажется притянутым, формально это соответствует представлением о начале войны против короля и укладывается в рамки Акта 1352 года, тем не менее резко возросшее по сравнению с XIV веком количество обвинений в измене игнорировать трудно.

Реформация в Англии породила напряжение в английском обществе, которое потребовало урегулирования, и новый Акт об измене 1534 года добавлял статьи об измене за непризнание короля главой Церкви и называние его еретиком³. Этот акт не имел отношения к развитию идеи Акта 1352 года и был вызван конкретной необходимостью, из-за которой английское общество оказалось расколото на религиозные лагеря.

Говоря об измене, нельзя не упомянуть особый акт о лишении прав (*bill of attainder*), который предполагал более быструю и простую судебную процедуру и служил королевским целям устранения соперников⁴. Под него попадал небольшой круг преступлений, которые чаще всего характеризовались как «предательские». Так, согласно Беллами, «в акте 1483

---

¹ Talmon S. *Recognition of Governments in International Law: With Particular Reference to Governments in Exile*. Oxford, 1998. P. 44.

² Bellamy J. *The Tudor law of treason (Routledge Revivals): An Introduction*. P. 18-19.

³ Lemon R. *Treason by Words: Literature, Law, and Rebellion in Shakespeare's England*. London, 2007. P.7-8.

⁴ West R. *A Discourse Concerning Treasons, and Bills of Attainder*. New Jersey, 2006. P. 96-97.

года герцог Бекингем и его сторонники признались, что предательски замыслили и осуществили убийство короля и начали войну против него. Ричард III, согласно акту 1485 года, предательски начал войну против своего соверена, которым являлся Генрих Тюдор»¹. Эти преступления очень схожи с теми, что признавались изменой и упоминались в акте 1352 года, но была причина, по которой акт о лишении прав предпочитали обвинению в измене. Чаще всего это случалось, когда, помимо изменнических действий, преступник обвинялся в множестве других преступлений, которые невозможно было доказать. Таким образом, чтобы избежать судебного разбирательства и возможного оправдания преступника, его лишали прав. Иногда лишение прав следовало сразу за судом, в котором преступника оправдывали, как это было в случае с Джоном Карпентером, сперва обвиненным в измене за убийство жены в 1433 году².

Во множестве случаев билль о лишении был предпочтительнее обвинения в измене, так как не влек за собой долгой судебной тяжбы. Лишение высокопоставленного лица прав всегда было удобным инструментом королевской власти: как при Тюдорах, так и во времена гражданской войны между Йорками и Ланкастерами³⁴.

По словам Хэтселла: «Дела Эмпсона (Empson) и Дадли, а также Кромвеля графа Эссекса – это случаи, в которых должен был быть, без сомнения, вынесен вердикт о парламентском импичменте за тяжкие преступления и правонарушения <...>, но нетерпеливый и заносчивый дух нашего Господина <...> нашел билль о лишении прав более подходящим для своих целей»⁵.

---

¹ Bellamy J. The Tudor law of treason (Routledge Revivals): An Introduction. P. 123.

² Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. P. 125.

³ Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. P. 29.

⁴ подробнее: Oliver St. J. An Argument of Law Concerning the Bill of Attainder of High-treason of Thomas Earle of Strafford: At a Conference in a Committee of Both Houses of Parliament. London, 1641.

⁵ Hatsell J. Precedents of Proceedings in the House of Commons; with observations. 4 vols. London, 1818. Vol. IV. P. 89.

Подобные меры, прекрасно соответствующие целям короля, не совсем отвечали потребностям парламента, так как вынести решение о лишении прав королевского фаворита было невозможно без согласия самого монарха. Тем не менее, парламента до поры до времени склонялся перед властью Тюдоров, но равновесие сил было нарушено с приходом к власти в Англии новой династии Стюартов.

После XIV века Хартия довольно быстро отошла на второй план, а свободы для подданных уступили место вопросам укрепления королевской власти. При Тюдорах королевская власть обрела беспрецедентное влияние, хотя недостаток ресурсов так никогда и не позволил стать ей деспотической. Тем не менее, Тюдоры обладали влиянием на мнение парламента и с успехом манипулировали статьями Хартии для достижения своих целей. При Генрихе VIII наибольшему ущемлению подверглись статьи, касающиеся Церкви; его попытки приобретения супрематии привели в тюрьму многих несогласных.

Одним из правовых новшеств Тюдоров стало появление при Генрихе VII суда пэров. Он стал удобным инструментом в руках королевской власти, так как позволял напрямую контролировать суд над представителями аристократии, одновременно не нарушая принципа «суда равными», закрепленного в Хартии. Новшества новой формы суда были очевидны: численность и состав определялись Высоким стюардом, а единогласное решение стало необязательным – достаточно было простого большинства. Тем более, что проводить такой суд можно было отдельно от сессий парламента, ограничивая возможности его вмешательства в процесс¹. Согласно мнению Стасевича, «если учесть, что прямо это новшество не было введено никаким законом, а по ряду свойств противоречило существующему обычаю, нововведение вернее всего можно оценить не как реформу, а как тихий государственный переворот»².

---

¹ Стасевич В.А. Титулованная знать при ранних Тюдорах: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2015. С. 404.

² Там же. С. 407.

Даже несмотря на это, вторая половина XVI века являлась непростым временем для старой английской аристократии. Быстрые экономические перемены и рост городов привели к смене вектора власти, который перешел от старой земельной аристократии к торговой буржуазии. Королевский двор приобрел небывалый размах, став источником милостей и местом создания патронатных связей, обеспечивающих положение и доход в новых условиях. Одновременно с этим, распространение идей гуманизма привело к складыванию нового образа идеального гражданина – человека, посвятившего себя общественному служению. Эта мысль нашла благодатную почву в среде джентри: как занимавших должности на местах, так и сидевших в парламенте.

Совокупность множества этих факторов привела к возрождению идей всеобщего равенства в XVII веке и, как следствие, к рецепции Хартии вольностей, в которой общины увидели удобный инструмент борьбы с королевским влиянием.

Новая династия на английском престоле апеллировала к древнему принципу божественности королевской власти, который ставил королей выше закона. Однако ни Яков I, ни Карл I не обладали авторитарностью поздних Тюдоров, которая позволяла им подавлять парламент, и довольно скоро столкнулись с недовольством обеих палат. Несмотря на то, что общины видели много общего в ситуациях XIII и XVII веков, изменился сословный состав мятежников, а вместе с ним и их требования. Карлу I пришлось иметь дело не с влиятельными баронами, отстаивающими права на свои владения, а с джентри, желающих в корне изменить распределение властей в королевстве и обрести права, позволяющие им диктовать свои условия пэрству и королю.

Усугубляло положение и то, что новыми королями стали шотландцы. Это вызывало у парламента закономерные опасения, что иностранцы не станут придерживаться древних английских законов и избавятся от парламента¹. Словно в подтверждение их страхов, Стюарты неоднократно

---

¹ Turner R.V. Magna Carta: through the ages. P. 151.

распускали парламент, что только подогревало зреющий конфликт между королевской и, теперь уже новой, парламентской властью, приоритет в среде которой медленно, но неуклонно переходил на сторону общин.

В парламенте снова возобновилась дискуссия об оговорке к Акту об измене 1352 года. Несмотря на то, что мы уже убедились, что она не была наступлением на права парламента, а лишь закрепляла устоявшуюся практику, парламент был намерен изменить саму традицию. В дискуссии принимал участие главный солиситор Сомерс, ставший в последствии лордом-канцлером. Лорды предложили улучшить «Билль, регулирующий судебные разбирательства по обвинению в измене», приняв к нему поправку, которая была оспорена палатой общин по тем же самым причинам, что и раньше: она помешает отправлению правосудия по делам об измене, не перечисленным в Акте 1352 года. Сомерс уверенно заявил, что «сила парламента будет утеряна, если мы потеряем это право»¹. Как мы видим, в XVII веке палата общин уверенно шла к укреплению своего положения, а палата лордов, хоть и не поддерживала ее, но своим бездействием и конфронтацией с королем оказывала ей услугу.

Благодаря Великой хартии вольностей, с 1215 года Англия находилась в состоянии баланса властей: король не мог захватить тираническую власть, бароны не могли сделать страну олигархией, а общины не могли установить демократическое правление. Тем не менее, на всем протяжении XIII-XVI веков мы видим процесс, в ходе которого каждая из сил пыталась возобладать над другими двумя. Рассматриваемое нами время – первая половина XVII века – период, когда инициативу общин не могли больше сдерживать ни пэры, ни сам король, что привело к трагедии гражданской войны. В этот период мощным оружием в руках общин стал порядком забытый импичмент. Так, с 1621 по 1725 гг. было вынесено на рассмотрение 50 дел об импичментах, доведенных до суда. До этого момента их было всего четыре.

---

¹ Цит. по: Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. P. 55.

Глава 2. Импичменты 1621-1624 гг.

2.1. Малые импичменты 1621 года

После правления Эдуарда IV об импичментах надолго забыли. Акты о лишении полностью отвечали потребностям королей. XVII век стал временем возрождения традиции импичментов. В сложившейся ситуации оппозиции королю они отвечали потребностям общин как нельзя лучше, так как не требовали его участия в судебном процессе. Правда, у общин по-прежнему оставался противник в лице палаты лордов, но и у них накопились претензии к монарху, поэтому в период с 1603 по 1640 годы было одобрено больше импичментов, чем за все прошедшее время¹. Интересна тенденция: практически все первые импичменты были поддержаны лордами, но чем дальше, тем меньше они принимали сторону общин. Так, до 1624 года лорды одобрили 5 из 7 импичментов, в 1624 году – 1 из 3, с 1626 года – ни одного². Очевидно, энтузиазм общин напугал лордов, которые предпочли коалицию с королем единению парламента.

Первым импичментом, начавшим целую серию обвинений, стал импичмент, выдвинутый Фрэнсису Бэкону, лорду Веруламу, виконту Сент-Олбансу и лорду-канцлеру Англии, а также примыкающий к нему импичмент против доктора Теофилуса Филда (Dr. Theophilus Field), епископа Лландавского³.

Заседание по делу об импичменте началось в палате общин 15 марта 1620 года⁴. Сэр Роберт Филлипс начал свой доклад от комитета следующим образом: «Я должен прояснить три вещи. Во-первых, против какого человека

---

¹ Савченков Р.В. Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб, 2011. С. 13.

² Hunneyball P.M. The Development of Parliamentary Privilege, 1604-29 // Parliamentary History Yearbook Trust. 2015. P. 121.

³ Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 10.

⁴ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the present time. 33 vols. London, 1809. Vol. II. P. 1087.

я выступаю. Во-вторых, что я заявляю. В-третьих, какого мнения придерживается комитет. 1. Человек, против которого заведено дело, никто иной как лорд-канцлер, [Фрэнсис лорд Верулам, виконт Сент-Олбанс] человек, одаренный во всех смыслах, и физически, и духовно; больше мне сказать о нем нечего, так как я не смогу сказать достаточно. 2. Дело, в котором его обвиняют, это коррупция»^{1,2}. Что касается третьего пункта, то в нем передана суть обвинения. Изложим ее своими словами. Некий мистер Обри (Awbrey) не раз обращался к лорду-канцлеру с просьбами, но решение его дела все откладывалось. Люди, приближенные к лорду-канцлеру, посоветовали мистеру Обри ускорить дело путем преподнесения лорду подарка в размере 100 фунтов. Мистер Обри взял требуемую сумму у ростовщика и направился, в компании двух мужчин, среди которых был сэр Джордж Гастингс, в Грейс-инн к лорду-канцлеру, который выразил благодарность за поднесение и заверил, что дело будет успешно разрешено в ближайшее время. В последствии выяснилось, что сэр Гастингс, который и дал совет мистеру Обри, преподнес деньги Бэкону от своего имени, а не от имени мистера Обри. Как и следовало ожидать, дело мистера Обри несколько не продвинулось, что и заставило его подать жалобу.

Другой джентльмен по имени мистер Эгертон (Egerton) попал в схожую ситуацию³. Сэр Джордж Гастингс посоветовал и ему направить лорду-канцлеру деньги. Мистер Эгертон незадолго до сделки заложил дом, поэтому располагал 400 фунтами, которые и отправил сэру Гастингсу, в надежде, что тот попросит за него перед лордом-канцлером⁴. На этот раз сэр Гастингс доставил деньги и передал, от кого они, хотя и не ясно, была ли в конверте вся присланная сумма. В ходе судебного разбирательства он утверждал, что

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1087-1088.

² Савченков Р.В. Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб, 2011. С. 14.

³ Butler D. Impeachment Trial of David Butler, Governor of Nebraska, at Lincoln. Omaha, 1871. P. 62-63.

⁴ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1088-1089.

понятия не имел, что за посылку доставляет, тем не менее у нас есть все основания полагать, что между лордом-канцлером и сэром Гастингсом существовала договоренность, приносящая им обоим неплохой доход.

В случае с мистером Эгертоном замешанным оказался еще один человек – доктор Филд, на момент разбирательства ставший уже епископом Лландавским¹. Он настоял, чтобы Эгертон заключил с ним договор о поручительстве под залог в размере 10 тысяч марок с условием, что, если лорд-канцлер его одобрит, 6 тысяч марок будут поделены между ними, а остальные деньги купят его расположение. Несмотря на заключенный договор, мистер Эгертон, однако, посчитал себя обманутым и обратился к королю с петицией, направленной против лорда-канцлера. Узнав об этом, лорд-канцлер лично предложил Эгертону ссуду в размере 6 тысяч марок, лишь бы тот отозвал петицию, но мистер Эгертон отказался². Интересно, но отнюдь не удивительно, что в деле упоминается имя герцога Бекингема. Мистер Дампорт должен был выступать свидетелем епископа Филда и подтвердить законность его соглашения с Эгертоном, но не смог присутствовать в день слушания. Согласно утверждению сэра Филлипса на слушании 17 марта, «Дампорт писал герцогу Бекингему с просьбой написать письмо лорду-канцлеру с целью остановить это [слушание]; но герцог ответил, что писать не будет, так как дело это уже решенное»³. Герцог Бекингем предпочел остаться в стороне от судебного разбирательства о коррупции, несмотря на то, что обвиняемым был близкий к нему Фрэнсис Бэкон⁴. Как показала история, всего через шесть лет Бекингем сам предстанет перед судом по обвинению в том же преступлении.

Лорд-канцлер также попытался уладить дело с мистером Обри через сэра Гастингса, к которому обратился со словами: «Сэр Джордж, я уверен, что вы меня любите, и я знаю, что вы не хотите, чтобы то, что сделали вы, бросило тень бесчестия на меня. Я слышал, что некий Обри хочет подать петицию

---

¹ Mackintosh J. The History of England. 10 vols. London, 1835. Vol. IV. P. 310.

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1090-1091.

³ Ibid. P. 1091.

⁴ Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 186.

против меня; вы с ним знакомы; вы можете его разубедить, если захотите»¹. Сэр Гастингс убедил Обри не подавать петицию, если лорд-канцлер уладит наконец его дело, но этого не случилось, и петиция была подана.

Закончил свой доклад сэр Филлипс красочной метафорой: «Это дело великой важности, оно касается каждого человека здесь присутствующего; ибо если фонтан будет грязен, каковы тогда будут его потоки?»². На что мистер Невилл ему ответил: «Правосудие – это фонтан, а король – его глава, чистая, как воды Силоама, ясная, как река Дамаска; но есть вторичное правосудие, которое несут каналы – часто грязные и мучительные, как воды Мерры. Такие воды и текут обильно в нашей канцелярии»³.

Как мы видим, члены палаты общин на момент начала 1620-х годов склонны были выражать свои мысли осторожно и уклончиво, не забывая отделять короля, который был воплощением мира и порядка, от бесчестных министров⁴. Традиция подобного отношения к королю Якову I сохранилась и после его смерти, а вот его преемник, Карл I, никогда не удостоивался подобной чести. По результатам двухдневного слушания общины так и не приняли решения, ограничившись мнением о непозволительности коррупции и передав дело на рассмотрение палате лордов. Палата лордов также повела себе крайне благосклонно в отношении палаты общин, предложив им, если уж их мнения настолько совпадают, посоветоваться о деле совместно⁵.

В ходе дальнейшего разбирательства открылись и другие случаи взяток лорда-канцлера. Так Филлипс сообщает: «1. Что касается дела между Халлом (Hull) и Холмэном (Holeman), Халл дал или ссудил моему лорду 1000 фунтов с тех пор, как началась тяжба. 2. Что касается дела между Ротом (Wroth) и Мэйнуорингом (Manwaring), было выдано 100 фунтов, из которых 20 получил

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1091.

² Ibid. P. 1092.

³ Ibidem.

⁴ Price B. Francis Bacon's New Atlantis: New Interdisciplinary Essays. Manchester, 2002. P. 141.

⁵ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1094.

Хант. 3. Ходди (Hoddy) преподнес украшение, которое стоит 500 фунтов, но сам он говорит, что это пустяк стоимостью 100 или 200 фунтов. Оно было преподнесено лорду-канцлеру сэром Томасом Перином (Peryn) и сэром Генри Холмсом»¹ и т.д.

Несмотря на многочисленность подобных случаев, на совместном заседании обеих палат парламента рассматривались два конкретных дела: дело Обри и дело Эгертона. Обвиняемых также было двое: лорд-канцлер Фрэнсис Бэкон и доктор Филд, на тот момент епископ Лландавский. Перед началом слушания лорд-канцлер передал через Бекингема письмо для лордов, в котором выразил желание лично встретиться со свидетелями и дать ответ по каждому из пунктов обвинения².

Результаты слушания 21 марта оказались неутешительными для лорда-канцлера³. Он был обвинен в получении многочисленных взяток суммой не менее 8500 фунтов⁴. 24 апреля принц Карл передал лордам письмо от лорда-канцлера, в котором тот покорно сообщал: «Я могу согласиться с Иовом в том, что я не прятал мой грех, как сделал Адам, и не хранил свои ошибки в своем сердце⁵ (Иов 31:33); это мое единственное оправдание. По этой причине я без фиговых листков искренне признаю и подтверждаю, что понял все подробности обвинения, <...> я нашел дело удовлетворительным и достаточным, чтобы низвергнуть меня в пустыню бесплотной защиты и подвинуть вас, лорды, осуждать и презирать меня»⁶. Письмо является собой прекрасный образец возвышенной риторики и представляет интерес само по

---

¹ Howell T.V. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1096.

² Ibid. P. 1099-1100.

³ Александрова С.П. Возрождение права Палаты общин на импичмент как попытка установить контроль над исполнительной властью // Правоведение. 2005. №6. С. 186-188.

⁴ Howell T.V. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1102.

⁵ У Бэкона: «I have not hid my sin as did Adam, nor concealed my faults in my bosom». В оригинале: «If I covered my transgressions as Adam, by hiding mine iniquity in my bosom» (KJV), досл.: «Если я скрывал свои прегрешения как Адам, пряча свои грехи в своем сердце».

⁶ Howell T.V. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1103.

себе, но его содержание не вызывает сомнений: Фрэнсис Бэкон отказался от защиты и признал свою вину, уповая только лишь на милость судей.

Вопреки ожидаемому эффекту, на судей письмо Бэкона впечатления не произвело, и они дали ему срок до 30 апреля, чтобы на этот раз признать свою вину «четко и бесхитростно», что и было сделано Бэконом в его втором признании: «Я четко и бесхитростно признаю, что виновен в коррупции и отказываюсь от защиты и отдаю себя на милость и благородство лордов»¹. Стоит отдать должное мужеству и честности признания Бэкона, в котором он полностью или частично (как это было с девятым, пятнадцатым и девятнадцатым пунктами)² признал справедливость всех обвинений, оспорив только некоторые суммы, которые и нам кажутся намеренно завышенными.

3 мая в палате лордов в присутствии членов палаты и спикера был вынесен приговор по делу лорда-канцлера³: «Лорд [Верулам], виконт Сент-Олбанс, лорд-канцлер Англии возместит так или иначе 40 тысяч фунтов. Он будет помещен в Тауэр до тех пор, пока того пожелает король. Он не сможет занимать должности, места или службы в стране и королевстве. Он никогда не будет занимать места в парламенте или в суде. Таково мнение и решение Высшего суда»⁴.

В последствии Бэкон был освобожден из заключения и получал от короля пенсию, но до самой смерти, которая последовала 9 апреля 1626 года, оставался в нужде и долгах.

Что касается епископа Филда, то его дальнейшая жизнь сложилась не в пример лучше. Парламент принял решение, что его, как епископа, должен судить архиепископ Кентерберийский, а не Высший суд. Как и в отношении большинства дел канцелярии архиепископа, подробности разбирательства нам неизвестны, также как и то, что оно в принципе имело место. В 1627 году, не исключено, что при помощи герцога Бекингема, епископ Филд получил

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1105.

² Ibid. P. 1107-1111.

³ Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 186.

⁴ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1112-1113.

кафедру в Сент-Девидсе, а в 1635 году, за год до своей кончины, он был избран епископом Херефорда¹.

Этот первый импичмент, положивший начало целому ряду других разбирательств, уже обладал всеми характерными чертами будущих дел. Так, он был инициирован общинами, а главным преступлением было объявлено взяточничество. Тем не менее, от других его отличает общая бесконфликтность разбирательства (отчасти из-за сговорчивости самого обвиняемого), вызванная единогласием обеих палат, а также его отвлеченность от фигуры короля.

Одновременно с разбирательством по импичменту Бэкона в парламенте слушалось дело сэра Джайлса Момпессона (Giles Mompesson), торговца и держателя патентов, являвшегося также членом парламента². После того, как он попал под подозрение палаты общин, к нему был приставлен парламентский пристав, но сэру Момпессону удалось скрыться, бежав на континент^{3,4}. Как мы помним, согласно Акту об измене 1423-24 гг., если кого-то подозревают в преступлении, а он бежит из-под следствия, то он тем самым признает свою вину. В связи с этим 3 марта 1620 года общины передали это дело палате лордов⁵.

Как и в случае с делом Бэкона, лорды пошли на встречу общинам и согласились, что необходимо разыскать и наказать сэра Момпессона, для чего и было собрано совместное совещание во главе с принцем⁶. На нем было принято решение организовать поиски во всех портах и дать всем морским офицерам чрезвычайные полномочия по задержанию разыскиваемого. Во многом задача по розыску обвиняемого легла на плечи лорда-адмирала

---

¹ Lochithea. *Spyglass Duets: The Elizabethan & Jacobean Plotters*. USA, 2009. P. 496-498.

² Peck L.L. *Court Patronage and corruption in Early Stuart England*. London, 1993. P. 189.

³ Howell T.B. *Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II*. P. 1119.

⁴ Савченков Р.В. Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года) ... С. 14.

⁵ Tanner J.R. *Constitutional Documents of the Reign of James I A.D. 1603-1625. with an historical commentary*. Cambridge, 1961. P. 322.

⁶ Howell T.B. *Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II*. P. 1119-1121.

Джорджа Вилльерса, маркиза Бекингема, который также отметил, что не раз страдал от мошенничества и обмана сэра Джайлса Момпессона¹.

Одним из первых моментов, на которые следовало пролить свет совещанию, было суждение о роли короля в этой истории. Несмотря на формулировку, что их целью было «очистить честь короля»², обсуждался вопрос о том, имел ли король долю от продажи патентов лордам на штрафы с владельцев постоянных дворов, монополистское изготовление серебряной и золотой нити и установления цен на конину³. Разумеется, решение гласило, что «преимуществами, возникающими для короля, пользовались другие <...>; власть, дарованная королем, была сильно ограничена для того, чтобы не допускать злоупотреблений; и, наконец, гораздо больше несправедливости случается в торговле»⁴. Как мы можем заметить, оправдание для короля было условным, а последний пункт так и вовсе ничего не объяснял. Тем не менее, формальности были соблюдены, и вопрос о роли короля был закрыт.

После этого в Расписанной палате Вестминстера началось разбирательство, в ходе которого обсуждался главный вопрос: «Легальность выдачи этого [патента] Момпессону; но об этом комитет не имеет права судить»⁵. Вопреки утверждению, что его «власть была сильно ограничена», комитетом было установлено, что злоупотребления случались постоянно, и от них пострадали тысячи. Так, по словам графа Арундела, «сэр Джайлс Момпессон отправлял различных людей в тюрьму без разбирательства»⁶.

23 марта высокое собрание посетил сам король, произнес с трона речь, обращенную ко всем лордам. Первая часть, по традиции, мало отражала суть дела и касалась прежде всего справедливости самого короля, честности его

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1121.

² Ibid. P. 1122.

³ Александрова С.П. Возрождение права Палаты общин на импичмент как попытка установить контроль над исполнительной властью // Правоведение. 2005. №6. С. 180.

⁴ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1122.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. P. 1123.

сына и самоотверженности Бекингема¹. Во второй части король предоставил отчет о проделанной им работе, сообщив, что все патенты – о гостиницах и постоянных дворах, пабах и производстве золотой и серебряной нити – были им аннулированы, а все люди, заключенные сэром Момпессоном в тюрьму, были освобождены². В конце своей речи король упомянул также дело сэра Генри Илвертона, о котором пойдет речь ниже. Король передал это дело парламенту и призвал решить его по собственному усмотрению³.

Лорды остались удовлетворены речью короля. Несмотря на ее отеческий и покровительственный тон, нельзя не обратить внимание, что король посетил парламент с одной целью – оправдать себя и расположить к себе лордов.

26 марта в Расписанной палате Вестминстера состоялось заключительное слушание по делу сэра Момпессона, на котором присутствовали все лорды, а также представители общин во главе со своим спикером⁴. На слушании отсутствовал Бекингем, но днем ранее он оставил лордам записку, в которой заверял, что обвиняемый «доставил много неприятностей королю и ему самому; больше, чем любому другому члену парламента»⁵. Приговор был однозначен: признать сэра Момпессона виновным, лишить его титула (но оставить титул за его женой и детьми), заключить его под стражу, запретить занимать любые официальные должности, конфисковать его имущество, а также обязать выплатить штраф в размере 10 тысяч фунтов⁶.

Следует добавить, что Момпессон прожил после этого еще долгую жизнь и умер в 1663 году, успев своими глазами увидеть гражданскую войну в Англии. Небезынтересно также и то, что именно Джайлс Момпессон стал прототипом главного героя пьесы Мэссинджера «Новый способ расплатиться

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1126-1128.

² Ibid. P. 1127-1128.

³ Ibid. P. 1129.

⁴ Tanner J.R. Constitutional Documents of the Reign of James I A.D. 1603-1625. with an historical commentary. Cambridge, 1961. P. 324.

⁵ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1130.

⁶ Ibid. P. 1131-1132.

со старыми долгами»¹ - сэра Джайлса Овер-рича (Over-reach²), навсегда оставшись в памяти англичан злодеем и обманщиком.

Годом позже вынесения приговора Джайлсу Момпессону, 26 апреля 1621 года, началось слушание по делу его партнера сэра Фрэнсиса Мичелла (Michell).

Как и сэр Момпессон, сэр Мичелл владел патентом на производство золотой и серебряной нити и возглавлял соответствующий комитет, за что получал 100 фунтов ежегодно на протяжении последних пяти лет. Пристав палаты общин мистер Крю (Crew) зачитал доклад, в котором были приведены обвинения в адрес сэра Мичелла о злоупотреблении своими полномочиями, заключении под стражу тех, кто отказывался заключить с ним бонны³, и взяточничестве⁴.

В своем защитном слове Мичелл отверг все обвинения в злоупотреблении властью и взяточничестве, а на счет заключения невиновных в тюрьму заявил, что делал это по приказу Момпессона и не единолично, а в составе комитета⁵. Очевидно, его ответ несколько смягчил совет, так как последовавшее за его осуждением наказание было куда мягче, чем наказание Момпессона. Мичелл лишился своего рыцарского достоинства, заключался под стражу до тех пор, пока того пожелает король, а также был обязан выплатить тысячу фунтов⁶.

Параллельно с делом Мичелла в парламенте слушалось дело сэра Генри Илвертона, королевского генерального атторнея, о котором мы уже упоминали. Ранее сэр Илвертон был заключен в Тауэр в ходе расследования,

---

¹ англ. «A New Way to Pay Old Debts».

² Досл. «Хитрец».

³ краткосрочные долговые обязательства, выпускаемые казначействами, муниципалитетами или частными фирмами в качестве покупательного и платежного средства (Юридический словарь; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13333>, дата обращения: 28.08.2015).

⁴ Howell T.V. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1132-1133.

⁵ Ibid. P. 1133-1134.

⁶ Ibid. P. 1136.

инициированного Бекингом¹. 18 апреля началось слушание, которое должно было установить вину сэра Илвертона.

К тому моменту на руках парламента уже имелись сформулированный по пунктам (коих было шесть) текст обвинения и показания самого сэра Илвертона². Обвинение гласило: «Сэр Генри Илвертон обвиняется: 1. Что он осудил многих за то, что они отказались заключать с ним боны, чтобы ограничить их торговлю; но он изначально не имел власти требовать заключения таких бонов. – Ответ. Он признает, что отправил многих в тюрьму, и считает это оправданным. Что он ограничивал торговлю за их неуступчивость и отказ подчиняться решениям короля; он делал это ради торжества правосудия Его величества, и у него было на это полное право. 2. Что он подписывал пустые бланки без соответствующей власти, которые потом заполнялись незаконными договорами. – Ответ. Он подписал один, и в нем не было никакого незаконного договора. Что касается других бланков, то он не признает вину и не отрицает ее, так как не помнит, подписывал их или нет. 3. Что он советовал вернуть патент на золотую и серебряную нить в руки короля, чтобы сделать ее производство монопольным, и он советовал другим держателям патентов пойти на заключение контракта с королем. – Ответ. Он советовал это не в одиночку. Он был лишь одним из многих, кто советовал контракт. Он отрицает, что планировал создание монополии. Он отрицает, что признавался в этом общинам. Он отрицает, что его совет предполагал монополию. Он давал советы, как и полагается ему делать на службе королю. 4. Он, чтобы получить право на заключение бонов, подписал декларацию, в которой говорилось, что он советовался об этом с рикордером Лондона и Сити, но рикордер этого не подтвердил. – Ответ. Он настойчиво отрицает, что подписывал такую декларацию; он подписывал декларацию о том, что он ознакомил с ней лорда-канцлера и рикордера Лондона, <...> и хотел, чтобы рикордер ознакомил Сити; он отрицает, что в декларации говорилось о Сити.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1135-1136.

² Brown H. High Crimes and Misdemeanors in Presidential Impeachment. USA, 2010. P. 17.

5. Что 3401 различных патента (к несчастью для людей) были выданы им, включая патент о постоянных дворах, и два из них привели к судебным тяжбам. – Ответ. Он не может в точности ответить на это. Если есть запись, что он подписал так много патентов, он готов признать это. До этого момента он покорно надеется, что милость лордов его не оставит <...>. 6. Что он принял от многих иски, касающиеся золотой и серебряной нити, но ни один из них не принял во внимание. – Ответ. Такое могло быть»¹.

Как мы уже помним, это дело было изначально инициировано властью при участии Бекингема², поэтому король не мог остаться в стороне от судебного разбирательства. Он написал парламенту письмо, в котором заявил, что желает лично судить сэра Илвертона, если его обвинение в какой-то мере затрагивает честь короля. Это решение кажется логичным и отвечающим традиции, но у парламента было другое мнение на этот счет. 6 мая представитель парламента, которым был выбран архиепископ Кентербери, доставил королю письмо следующего содержания: «Мы были польщены последней речью Вашего величества перед этой палатой, в которой вы призвали нас вершить правосудие над сэром Генри Илвертоном, так как его дело затрагивает вашу честь; с этих пор в этой палате прозвучали слова, которые Ваше величество сочтет скорее усугубляющими, чем оправдывающими его вину. Так как Ваше величество ранее этим днем выразило лорду-казначею желание «если что-то затрагивает вашу собственную честь, то вам и быть судьей», лорды, зная нежность Вашего величества к привилегиям этой палаты, и ее рвение к отстаиванию чести Вашего величества, покорно просят Ваше величество изменить свое решение. В противном случае нас пугает, что мы можем считаться не такими верными и страстными в исполнении своих обязанностей по защите чести Вашего величества, какими мы бы хотели себя считать <...>»³.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1136-1137.

² Jones C., Jones D.L. Peers, Politics and Power: House of Lords, 1603-1911. London, 1986. P. 9.

³ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1139.

Данное письмо в высшей степени интересно. Несмотря на его осторожный тон, можно подумать, что лорды не столько просят короля оставить это дело им, сколько шантажируют его, требуя не вмешиваться в дело, которое он может разрешить негодным им способом. Наши догадки подтверждает и реакция короля. В первом письме лордам король ответил, что «по примеру такой известной королевы Елизаветы, перед которой не раз просила вся палата, он вынужден вернуть свой ответ без ответа»¹. Король сомневался, пойдет ли его уступчивость на пользу отношениям между короной и парламентом, и пришел к решению вернуть «лордам полную и окончательную власть по делу сэра Генри Илвертона», на всякий случай напомнив, что «лорды знают, что получили свое достоинство от него и только по его желанию»².

Предварительное решение парламента было вынесено 14 мая³ и звучало следующим образом: «1. Заключение в Тауэр. 2. Выплата 4 тысяч фунтов. 3. Признание неспособным исполнять обязанность атторнея в дальнейшем»⁴.

Но сэр Илвертон не был намерен сдаваться так быстро. В своей защитной речи он не только отверг все обвинения в свой адрес, но и обвинил в свою очередь маркиза Бекингема в том, что тому известно о других злоупотреблениях среди должностных лиц, на которые он закрывает глаза⁵. Подобные обвинения не только вызывали скандал вокруг Бекингема, но и бросали тень на самого короля. К такому парламент готов не был и поспешил вынести приговор, зачитанный 15 мая: «1. Что он, вышеупомянутый сэр Генри Илвертон, за свои речи, произнесенные здесь в парламенте, которые затрагивают честь его королевского величества, должен выплатить его королевскому величеству 10 тысяч марок. 2. Что он должен быть заключен в Тауэр, пока король не смилостивится. 3. Что он должен признать свою вину и

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1139.

² Ibidem.

³ Jones C., Jones D.L. Peers, Politics and Power: House of Lords, 1603-1911. P. 10.

⁴ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1142.

⁵ Ibid. P. 1143.

подчиниться его величеству, как то было приписано ему судом; тоже самое он должен сделать здесь, у барьера, либо в присутствии короля, либо без него, как того пожелает сам король»¹. Что касается его обвинений против Бекингема, то заключение было следующим: «1. Что сэр Генри Илвертон, рыцарь, за свои клеветнические и скандальные слова, произнесенные перед высшим судом парламенте против маркиза Бекингема, лорда-адмирала Англии, должен уплатить 5 тысяч марок названному маркизу. 2. Что он должен быть заключен в тюрьму. 3. Что он должен сделать признание в суде перед названным маркизом, как предписано судом»². Назначенные судом 5 тысяч марок Бекингом приняты отказался, а сэра Илвертона сначала заключили в Тауэр³, но он был отпущен на свободу уже в июле.

Эти три импичмента, касающиеся одного вопроса – патентов – являются в высшей степени интересными. Несмотря на то, что личности, против которых они были направлены, не являлись высокопоставленными лордами и не были приближены к королю, общины использовали эти дела в качестве манифеста своей позиции. То, какое активное участие приняли в этих делах король и Бекингом, показывает, что корона на тот момент еще не осознала далеко идущих планов нижней палаты. Тем не менее, курс был взят на последовательное наступление на судебную власть короля с целью вернуть эти полномочия в руки парламента.

Следующий импичмент не заставил себя долго ждать. 24 апреля 1621 года палата лордов получила письмо от общин, где те просили собрания комитета по делу сэра Джона Беннета, судьи привилегированного суда архиепископа Кентерберийского. Ранее он уже был исключен из палаты лордов за взяточничество и коррупцию, но теперь общины требовали импичмента⁴.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1144.

² Ibid. P. 1145-1146.

³ Brown H. High Crimes and Misdemeanors in Presidential Impeachment. USA, 2010. P. 17.

⁴ Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 187.

Первое совместное слушание состоялось на следующий день, 25 апреля. Первым делом было выяснено, что сэр Джон Беннет в данный момент находится под домашним арестом. В связи с этим лордами было решено, что он может быть освобожден под залог в 40 тысяч фунтов, если он предоставит двух человек, которые гарантируют его явку в суд¹.

Разбирательство в палате лордов длилось целый месяц, и 30 мая они вынесли свое решение, которое передал общинам граф Хантингтон: признать сэра Беннета виновным в коррупции и взяточничестве². В ходе суда, на котором присутствовал сам сэр Беннет, ему были представлены показания в общей сложности 36 свидетелей. Их оказалось так много, что только зачитывание обвинения длилось два дня: 30-го и 31-го мая. Большая часть пунктов обвинения касалась дел с наследованием, в которых сэр Беннет принимал сторону того, кто больше ему заплатит, в случае, если владелец состояния умирал без завещания. Некоторые свидетели платили, чтобы получить процент с поместья, другие – чтобы получить право на собственность предка³.

Свою защиту сэр Беннет начал с того, что пожаловался на слабую память и заверил, что многое позабыл за 19 лет службы в суде. Он попросил у парламента отсрочку, чтобы он мог подготовить свой ответ, и поклялся своей жизнью, что такого не могло быть, чтобы его доход оценивался в четыре тысячи, так как он никогда не получал более 200 фунтов в год⁴.

Такая отсрочка была сэру Беннету предоставлена. Одновременно с этим было издано постановление, что он может выйти на свободу под залог в 20 тысяч фунтов, на что сэр Беннет предусмотрительно заметил, что таких денег у него никогда не было, и он может уплатить разве что только тысячу фунтов⁵.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1146.

² Elsyng H. Judicature in Parlemt. London, 1991. P. 24-25.

³ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1146-1150.

⁴ Ibid. P. 1150.

⁵ Ibid. P. 1152.

К сожалению, подвести итог этому делу не удалось. Сэр Беннет тяжело заболел, и слушание было отложено до 17 декабря, но так никогда и не состоялось. Сэр Беннет умер, не получив резолюции парламента¹.

Особняком в ряде импичментов 1621 года стоит дело Эдварда Флойда (Floyde). Во-первых, оно было инициировано не общинами, а палатой лордов и изначально рассматривалось исключительно лордами, но затем ими было принято решение о совместном разбирательстве в составе всего парламента. Во-вторых, оно выделялось своим обвинением. В отличие от многочисленных взяточников, Эдвард Флойд обвинялся в оскорблении принцессы Елизаветы, старшей дочери короля Якова².

Это дело получило широкую известность благодаря освещению в «Розе, трилистнике и чертополохе» - женском феминистском журнале, выходившем в Великобритании с 1862 по 1865 гг. Помимо изложения событий судебного дела, в одном из номеров 1864 г. было помещено письмо, написанное в редакцию неким лицом под инициалами P.S.H. В нем автор выдвигает предположение, что фамилия «Floyde» является искажением уэльской фамилии Lloyd, так как английский звук «ф» являлся на тот момент наиболее близким аналогом уэльского удвоенного «л»³. Он также устанавливает местность, откуда родом происходил Эдвард Ллойд. Так, Ллвинеман⁴ (Llwynmaen) в английской транскрипции превратился в Кленнемайн (Clannemaun), графство Салоп⁵. Несмотря на все основания полагать, что автор статьи прав, мы, верные нашему источнику, будем придерживаться написания фамилии обвиняемого как «Флойд».

Слушание по делу Эдварда Флойда началось в палате общин 1 мая. Обвинение заключалось в том, что мистер Флойд, находясь в заключении во

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1153-54.

² Hunneyball P.M. The Development of Parliamentary Privilege, 1604-29 // Parliamentary History Yearbook Trust. 2015. P. 112.

³ The Rose, the shamrock and the thistle, a magazine. Vol.1, June-vol.6, March. P. 278.

⁴ Ibidem.

⁵ Графство в Англии на границе с Уэльсом, в настоящее время известное под названием «Шропшир».

Флитской тюрьме, распространял слухи о старшей, и к тому моменту уже единственной, дочери короля Елизавете и ее супруге Фридрихе V, Пфальцском курфюрсте, якобы «Прага была взята, и пфальцграф с графиней бежали без оглядки; и <...> супруга пфальцграфа была заключена в тюрьму»¹. Как мы помним, лорды ранее уже вынесли импичмент мистеру Флойду. Общины в свою очередь пришли к общему мнению относительно его наказания. Согласно их резолюции, мистер Флойд должен был быть снова препровожден в тюрьму, где ему предстояло провести ночь во дворе, а утром быть доставленным в Вестминстер, где его следовало привязать к позорному столбу на два часа с инскрипцией на шляпе, на которой заглавными буквами значилось бы: «За ложные, злонамеренные и жестокие речи против королевской дочери и ее мужа»². После этого он должен был проехать по городу, сидя на лошади без седла, лицом к хвосту, с такой же надписью, а потом снова стоять у столба. Весь спектр наказаний следовало повторять по кругу в течение нескольких дней³.

Несмотря на то, что палата лордов не сомневалась в вине Эдварда Флойда, решение общин показалось ей наступлением на ее привилегии, и лорды предложили устроить по этому делу совместное совещание⁴. Такое совещание состоялось 5 мая в Расписанной палате, и, судя по его заключению, палаты к соглашению не пришли. Его результатом стало издание резолюции, что «палата общин не может судить или наказывать за что-то, за исключением дел, касающихся их собственной палаты»⁵. Палата общин упорствовать не стала и ответила, что «они осудили Флойда только из собственного рвения, но они полностью отдают его во власть лордов с надеждой, что те придут к такому же заключению»⁶.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1154.

² Ibidem.

³ Lingard J. A History of England from the First Invasion by the Romans. 13 vols. London, 1825. Vol. IX. P. 254-255.

⁴ Ibid. P. 255-257.

⁵ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1156.

⁶ Ibid. P. 1156-1157.

26 мая лорды, в присутствии самого Флойда, зачитали ему следующие обвинения: «1. За злорадство в отношении потерь королевской дочери и ее детей. 2. За разочарование всех тех, кто испытывает к ним любовь. 3. За подлые речи против них. 4. За самовольство в суждениях о правах королевств»¹. Свой ответ Флойд начал с пространной речи о любви и преданности к названным членам королевской семьи, но был перебит атторнеем, который потребовал от него прямого ответа, на что Флойд заявил, что «не помнит, чтобы когда-либо говорил такие слова»².

Несмотря на отсутствие прямого признания, вердикт был следующим: «1. Названный Эдвард Флойд не должен более считаться джентльменом и должен быть известен как преступник, и доказательство его вины не может быть оспорено ни в каком суде. 2. Утром в следующий понедельник его следует доставить в Вестминстер, посадить на лошадь лицом к хвосту, с хвостом в руке, с бумагой о его вине на лбу и груди, и отвезти к позорному столбу в Чипсайд, где он должен простоять два часа и где ему выжгут букву «К» на лбу³. 3. Протащить его в начале следующего месяца за телегой от Флитской тюрьмы до Вестминстера с обвинительной бумагой на голове, а затем поставить на два часа у позорного столба. 4. Пожизненно заключить его в Ньюгейтскую тюрьму»⁴. Насколько нам известно, наказание было исполнено в полной мере.

Последний импичмент продемонстрировал начало разрыва между палатами парламента. Успех первых судебных дел подвигнул общин не только выдвинуть импичмент мистеру Флойду, но и вынести ему приговор, что являлось грубым нарушением субординации, и не осталось незамеченным лордами. Несмотря на то, что последние вынесли Эдварду Флойду приговор,

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1157.

² Ibid. P. 1158.

³ От латинского слова «calumnia» или «kalumnia» - «клевета».

⁴ Ibid. P. 1159-1160.

почти в точности совпадающий с приговором палаты общин¹, соблюдение формальности оказалось крайне важным. Это заставило общин взять непродолжительный перерыв, чтобы на этот раз подготовить импичмент больше размаха и направленный против одного из главных лиц королевства.

---

¹ Hunneyball P.M. The Development of Parliamentary Privilege, 1604-29 // Parliamentary History Yearbook Trust. 2015. P. 113.

2.2. Импичменты 1624 года. Дело Лайонела Кранфилда, графа Миддлсекса.

В условиях ведущейся датско-португальской войны, в которой Англии поддерживала Данию, 2 апреля 1624 года открылось заседание комиссии, призванной проанализировать состояние обеспеченности английских солдат вооружением и продуктами. Под подозрение в злоупотреблении попали многие видные деятели, в том числе лорд-казначей Лайонел Кранфилд, граф Миддлсекс¹.

В ответ на учиненные общинами розыскные мероприятия, 5 апреля Миддлсекс выступил со своим словом перед лордами, заявив, что: «Что он желает не милости, а расследования, а когда оно будет проведено, лордам откроется опасный замысел, заговор и сделка против него, которая, если окажется успешной, не оставит в безопасности ни одного из них»². В ответ на это лорду предложили назвать имена заговорщиков, но он лишь заверил лордов, что среди них нет членов данной палаты.

12 апреля общины снова потребовали у лордов продолжить расследование по вопросу снабжения войск, в связи с чем призывали их организовать совместное заседание и призвать к ответу Миддлсекса. Лорды отказались, но Миддлсекс сам вызвался отвечать перед общинами, на что верхняя палата дала согласие, но впредь постановила, «что никакой лорд этой палаты без ее разрешения не будет отвечать ни на какие обвинения палаты общин – лично или через советника»³.

Этот момент можно считать переломным в отношениях двух палат. Безусловно, лорды и до этого ревностно оберегали свои привилегии, но тот факт, что им пришлось снова подтверждать их в 1624 году, говорит о том, что традиционные, не требующие письменного подкрепления договоренности к

---

¹ Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 189.

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1185.

³ Ibidem.

тому моменту перестали действовать. Призвание к ответу лорда-казначей, по сути, не отличалось от вынесения импичменту лорду-канцлеру Бэкону, но если в 1621 году общины надеялись на содействие лордов и получили его, то в этот раз они были готовы действовать в одиночку. И, как показала история, они вовсе не переоценивали свои силы.

Разбирательство в одном прегрешении как правило приводит к открытию других, поэтому неудивительно, что 12 апреля лорды получили письмо от сэра Томаса Даллисона, сына Роджера Даллисона, рыцаря и баронета, в котором он заявлял, что не так давно лорд-казначей прогнал его и его мать с отцовской земли, за которую Миддлсекс, судя по записке нотариуса, уплатил им 26 тысяч фунтов¹. Между тем сэр Даллисон не получил и половины этой суммы, не говоря о том, что их земли стоят гораздо дороже 26 тысяч. Положение сэра Даллисона усугублялось тем, что в наследство от отца ему достался значительный долг короне.

Соответствующее разбирательство заняло большое количество времени. Суть его сводилась к следующему: лорд-казначей с 1608 года должен был выделять ежегодно на нужды армии сумму в размере 6 тысяч фунтов. Эти деньги проходили через руки Роджера Даллисона, отца истца. До 1614 года суммы поступали исправно, а затем сделались нерегулярными и частичными². Подобным образом к моменту вступления в должность Лайонела Кранфилда 29 апреля 1621 года казначейство задолжало армии и королю существенную сумму, которая не была погашена за два с половиной года отправления Миддлсексом своих обязанностей. Как мы видим, данная проблема появилась не в следствии неправильного управления лорда-казначей, а досталась ему от предшественников. На это обвинение лорд-казначей не ответил, попросив время на подробный анализ всех обстоятельств и выплаченных сумм, а также

---

¹ Prestwich M. Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts: The Career of Lionel Cranfield Earl of Middlesex. Oxford, 1966. P. 398.

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1187-88.

призвал лордов к конкретному анализу его неправильных действий, что, по его мнению, должно было очистить его имя.

Палата общин, осознав, что дело оборачивается в нужном для нее направлении, снова призвала лордов к организации совместного слушания, на что получила их согласие. Обвинителем был избран сэр Эдвард Кок. Ему предстояло выступить по двум пунктам: «1. Безмерное и подлое взяточничество. 2. Извращение хороших указов попечительского суда»¹.

Первое обвинение о взяточничестве касалось налогообложения производства вин². В 1620 году король подписал соглашение с фермерами, устанавливающее для них обязательный ежегодный платеж в размере 44 тысяч фунтов и не предполагающий дополнительных налогов. Тем не менее, в 1621 году назначенный на должность казначея Лайонел Кранфилд ввел дополнительные пошлины в размере 3 фунтов с тонны вина, что было «против справедливости, соглашения и чести короля»³. Терпящие убытки фермеры обратились с биллем к королю, но ответ получили только в декабре 1622 года. В нем король заверил их, что он «не знал ничего об этом; это было личное деяние и решение лорда-казначей»⁴. В качестве компенсации им было предложено снижение налога на 9 500 фунтов – по тысяче фунтов в зачет в течение 9,5 лет. Тем не менее, это распоряжение не вступало в силу до июня следующего года и было одобрено Миддлсексом только после того, как ему была дана взятка в размере 500 фунтов. Вторая взятка, того же размера, была дана ему в июле 1622 года, чтобы успешно разрешить дело с залогом на восстановление ферм. Кроме этого лорд-казначей обвинялся в том, что ввел новую должность секретаря, который заменял собой клерка, в обязанности которого входило принимать и одобрять петиции. В то время, как клерк выполнял работу бесплатно, секретарь взимал за это плату «какую только

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1190.

² Prestwich M. Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts: The Career of Lionel Cranfield Earl of Middlesex. P. 129.

³ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1190.

⁴ Ibid. P. 1191.

пожелает; доказано, что он брал 10, 20, 4, 5 фунтов»¹. Помимо введения новой должности, Миддлсекс изобрел новую печать – со своим именем на ней – и отдал ее в пользование своему секретарю, который брал плату за ее использование с клиентов². Согласно обвинению, «никогда ни один король не позволял другому использовать печать. Старый лорд Берли вынужден был, из-за своей подагры, передавать печать, но он никогда не позволял использовать ее без его присутствия. У Генриха VIII тоже была печать; но позволить использовать ее другому значило нарушить акт парламента»³. Это обвинение наиболее близко подходит к трактовке измены в ее изначальном смысле; как мы помним, и Гленвилл, и Брактон считали подделку печати изменой. После того, как все претензии были озвучены, лорды организовали комиссию, призванную расследовать это дело и включавшую в себя лорда-хранителя, лорда-распорядителя, епископа Бата и Уиллса, лордов Уэнтворта и Спенсера⁴.

Первое заключение было подготовлено и зачитано атторнеем 24 апреля. Оно не было полным и включало в себя обвинение во взяточничестве только по шести пунктам, на которые Миддлсекс должен был дать ответ 28 апреля. 27 апреля он направил в парламент петицию, в которой перечислил имена свидетелей (всего около сорока), которые бы могли поручиться за него на суде⁵. 28 и 29 апреля Миддлсекс не был готов предоставить свой ответ, и дважды просил, под предлогом болезни, отсрочку у лордов, которая была ему предоставлена. Между тем парламентом были подготовлены дополнительные пункты обвинения: «1. Он стал хранителем королевского гардероба на 16-м году правления Его величества и занимал эту должность с дня св. Михаила 16 года до того же дня 19 года [правления Его величества]. Находясь на этой должности, он делал вид, что выполняет особые распоряжения короля; и для

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1193.

² Prestwich M. Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts: The Career of Lionel Cranfield Earl of Middlesex. P. 248.

³ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1193.

⁴ Prestwich M. Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts: The Career of Lionel Cranfield Earl of Middlesex. P. 135.

⁵ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1199-1200.

этой цели получал ежегодные выплаты в размере 20 тысяч фунтов или около того, которые регулярно выплачивались ему в качестве аванса. Вместо того, чтобы исполнять свои обязанности, он привел дела в беспорядок и путаницу; он нерегулярно выдавал патенты, которые должен был выдавать, не платил рабочим и кредиторам; он также держал в беспорядке счета и не сдавал их; но, под предлогом службы особой важности, он получал подарки и спускал большие суммы денег, которые получал для выполнения работы и на похороны королевы»¹. Второе обвинение развивало тему, затронутую в первой части – незаконные налоги для купцов, экспортирующих сахар.

Долгожданный ответ Миддлсекса на выдвинутые против него обвинения был зачитан перед лордами 1 мая 1624 года. В отличие от Бэкона, Кранфилд решительно отверг все обвинения в свой адрес, утверждая, что ни взяток, ни больших ежегодных платежей никогда не получал, а дела вел исходя исключительно из интересов короны². Одновременно с ответом Миддлсекса, лорды получили письмо от общин, в которых те выражали желание совместно рассматривать это дело, а также прилагали жалобу, которую подали на Миддлсекса купцы, недовольные повышением налога на ввоз эля³.

5 мая в банкетном зале Уайтхолла перед лордами было зачитано обращение короля, который лишним раз напомнил парламенту: «Я – судья в комнате, в которой вы ведете следствие; и как я нахожусь под Богом на этом троне, так вы находитесь подо мной»⁴. В своей речи король отозвался о Миддлсексе, как о человеке «более всего подходящим для его места»⁵ и сослался на то, как высоко его ценит Бекингем. «Я бы хотел, чтобы вы поняли одну вещь, и справедливость подталкивает меня открыть ее вам: невозможно, чтобы у него не было врагов; все казначеи, если они хорошо делают свою

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1202.

² Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 190.

³ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1216-1217.

⁴ Ibid. P. 1218.

⁵ Ibid. P. 1219.

работу для хозяина, как м. Росней (Rosney) во Франции¹. И казначей не может угодить мне больше, чем когда просители умоляют меня и упрашивают не посылать их к казначею, потому что у него нет для них хорошего ответа»². Из речи короля становится очевидно, что и он, и Бекингем, были довольны работой Миддлсекса, и стремились поскорее окончить это дело, не привлекая к нему нижнюю палату, которая пока проявляла совершенно не свойственное ей терпение.

После этого началось официальное слушание, призванное рассмотреть каждый из пунктов обвинения. Представителем от палаты общин выступал Томас Крю (Crewe), спикер нижней палаты с 1623 по 1625 гг., который в своей речи обвинил лорда-казначей в «насилии и предательстве доверия, обмане короля, который ему верил; и во взяточничестве и злоупотреблениях»³. 6 мая были заслушаны обвинения в злоупотреблениях и присвоении королевских денег во время нахождения Кранфилда на должности хранителя королевского гардероба, на которые он дал исчерпывающий ответ. 7 мая в центре внимания находились три случая взяточничества, и вновь Миддлсекс опроверг все случаи⁴. Слушание продолжилось 10 мая, рассмотрением различных дел, касающихся налогообложения купцов и сделки с землями сэра Даллисона; лорд Миддлсекс отверг обвинения в самовольстве и заявил, что обо всех его решениях был осведомлен король, одобрявший все его начинания. 12 мая в своей речи Миддлсекс подвел итог своей защиты. Часть обвинений, касающихся взяточничества, он решительно отверг, как никогда не имевшие место. Некоторые другие обвинения (например, незаконное присвоение земель сэра Даллисона), по его словам, несостоятельны, так как все эти случаи произошли до его назначения казначеем. Что касается оставшихся обвинений,

---

¹ имеется в виду месье де Росней, французский казначей, посетивший Англию с посольской миссией в 1603 году.

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1219.

³ Ibid. P. 1221.

⁴ Prestwich M. Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts: The Career of Lionel Cranfield Earl of Middlesex. P. 67.

то Миддлсекс настаивал, что все его поступки были одобрены королем, а все выделенные ему деньги пошли на нужды короны и никогда на его личные нужды. Обсуждение всего услышанного заняло у палаты лордов оставшуюся половину дня и весь день 12 мая. Результат был неутешительным для Миддлсекса: виновен по всем обвинениям, кроме двух, касающихся купцов. Приговор был вынесен на следующий день в присутствии обеих палат: «Лайонел Кранфилд, граф Миддлсекс, ныне лорд-казначей Англии, должен освободить все свои должности, которые он занимает в этом королевстве; и должен в дальнейшем не иметь права занимать любую должность, место или назначение в королевстве и стране. Что он должен быть заключен в Лондонский Тауэр, пока того пожелает король. Что он должен выплатить нашему господину лорду королю 50 тысяч фунтов. Что он больше не будет занимать место в парламенте, и это никогда не будет оспорено в стенах суда»¹.

Осуждение Миддлсекса, произошедшее против воли короля, серьезно подорвало авторитет королевской власти в Англии. Кроме того, оно выявило серьезный разлад не только между королем и нижней палатой, который к 1624 году был очевиден, но и между королем и его лордами, которые уже не видели разницы между решениями короля и решениями его фаворита Бекингема. Король Яков, апеллируя к авторитету своего фаворита, только усугублял это мнение, навлекая опасность не только на голову Бекингема, но и на своего сына, которому в ближайшем будущем предстояло решать проблемы, зревшие в стране уже ни одно десятилетие.

Особняком в ряде импичментов стоит инициированное общинами разбирательство, состоявшееся 19 мая 1624 года, в отношении епископа Норвича Сэмюэла Харснета. На стороне обвиняемого выступал сам архиепископ Кентербери, а обвинения по большей части касались нарушения порядка отправления богослужения в церкви: пропуск проповедей в субботу,

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1250.

выбрасывание отрывков из катехизиса, неверный порядок чтения молитв и т.д.¹

Надо заметить, что в числе недовольных халатностью епископа были не только члены палаты общин, но и сам принц Карл, который присутствовал на слушании, но риторика, использованная архиепископом в тексте защиты своего подопечного, не оставляла места для дискуссии – епископ поступал так, как велит ему Священное Писание, а если и случались недоразумения, то только потому, что на его попечении паства в сорок тысяч человек, и уследить за всеми приходами невозможно².

Как и следовало ожидать, палата общин постановила, что разбирательство должно быть проведено на уровне Высокой комиссии, о решении которой затем должно быть доложено парламенту, который и вынесет вердикт. Тем не менее парламент так и никогда не услышал решения комиссии, а мы можем предполагать, что никакого разбирательства не было вовсе. О дальнейшей судьбе епископа Харснета, который был замешан в нескольких скандальных случаях, будучи еще главой Пемброк-холла в Кембридже, нам известно лишь то, что в 1628 году он был избран архиепископом Йорка³.

Другой инициированный в 1624 году импичмент, против доктора Томаса Аньяна (Anyan), обвиняемого в продаже патентов, также был прерван на ранней стадии и не получил судебного завершения⁴.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1253.

² Ibid. P. 1255.

³ Ibid. P. 1258.

⁴ White St. D. Sir Edward Coke and the Grievances of the Commonwealth. USA, 1979. P. 35.

Глава 3. Импичменты 1625-1628 гг.

3.1. Дело Ричарда Монтегю, королевского капеллана.

Наряду с делом Харснета, еще одним разбирательством по церковному вопросу стал импичмент, вынесенный Ричарду Монтегю, канонику Виндзора, члену совета Итона, ректору Стэмфорд-Риверс и капеллану Его величества. Монтегю пришлось отвечать перед общинами за свою книгу «Воззвание к Цезарю»¹, в которой он утверждал вещи, противоречащие «Статьям вероисповедания», утвержденным парламентом в 1571 году².

Внимание парламента мистер Монтегю привлекал не впервые. Еще в 1624 году он был призван к ответу за книгу, являющуюся ответом на работу Мэтью Келлисона (Matthew Kellison) «Указания к новой проповеди»³ и озаглавленную как «Указания к новой проповеди? Нет. Новые указания для старых дураков»⁴. «Указания» Келлисона являли собой сорок семь пунктов, приписываемых англиканской вере, из которых Монтегю признал каноничными только восемь⁵. Тогда парламент посчитал, что Монтегю вольно обошелся с некоторыми пунктами, отвергнув их как не каноничные, а также смягчил некоторые из установок римской церкви. Книга была осуждена архиепископом Кентерберийским, а Монтегю получил от него предупреждение, но, неожиданно, его работа нашла сторонников в лице приверженцев арминианства⁶, которые убедили его изложить свои взгляды в другой работе, которую следовало представить для ознакомления королю.

---

¹ ориг. «Appello Caesarem».

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1258.

³ Полное название: «Указание к реформированной проповеди. Краткое обозрение ошибок нашего времени с ясным опровержением одобренной ими Английской Библии»; ориг. «The Gagge of the Reformed Gospell. Briefly discovering the errors of our time, with the refutation by expresse textes of their owne approved English Bible».

⁴ Montagu R. A Gagg for the New Gospell? No: A New Gagg for an old Goose. London, 1624.

⁵ Davids T.W. Annals of Evangelical Nonconformity in the County of Essex, from the time of Wycliffe to the Restoration; with memorials of the Essex Ministers who were ejected or silenced in 1660-1662. London, 1863. P. 137.

⁶ Papazian M.A. John Donne and the Protestant Reformation: New Perspectives. USA, 2003. P. 36.

Такой работой стало «Воззвание к Цезарю». Архиепископ попытался запретить издание книги, но другие епископы высказали свое одобрение и ускорили ее выход¹. Теперь парламентом был назначен комитет, которому предстояло оценить работу с точки зрения ее соответствия «Статьям вероисповедания», хотя нужды в этом не было, ведь вердикт общин был известен с самого начала, но 9 июля в дело вмешался король, заявив, что «то, что было сказано в их палате и заявлено против мистера Монтегю, вызвало у него неудовольствие; и он надеется, что один из его капелланов будет иметь столько же защиты, сколько слуга обычного горожанина»². Единственное, к чему могло подвигнуть его обращение общин, так это судить мистера Монтегю еще более сурово, но вмешался случай, и из-за переезда парламента в Оксфорд по случаю разразившейся эпидемии чумы слушание продолжилось только 1 августа.

Собрание духовенства в часовне Мертон-колледжа оказалось немногочисленным – многие отказались присутствовать из-за страха заражения. У коллегии собравшихся же не было ни желания, ни права рассуждать о духовных вопросах, и они сосредоточились на делах земных. Монтегю, видя резонанс, который вызвала его работа, поспешил написать два письма: к собранию духовенства и к королю, в котором просил того лично принять участие в слушании, чтобы «защитить его от тех, у кого нет власти над его личностью, так как он – слуга Его величества»³. Внимание короля к этому вопросу неудивительно, учитывая огромный интерес к духовным вопросам и делам церкви его отца, короля Якова I, но в деле принял участие и еще один человек, уже неоднократно упоминавшийся в данной работе.

2 августа 1625 года епископы Рочестера, Оксфорда и Св. Давида, одоббившие книгу Монтегю, обратились к герцогу Бекингему с просьбой признать действующее слушание незаконным. Данное письмо не требует

---

¹ Foster S. The Long Argument: English Puritanism and the Shaping of New England. USA, 1991. P. 124.

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1259.

³ Ibid. P. 1260.

особого комментария, поэтому просто приведем его текст (в несколько урезанном виде): «Если Ваша милость позволит, мы берем на себя смелость быть вашими наставниками для пользы церкви Англии, и бедный ее член, мистер Монтегю, находится в затруднительном положении. Мы – не знакомцы для него, но в этом деле мы вынуждены стать доверенными. Дело, о котором мы говорим <...> напрямую касается церкви Англии. <...> Теперь, если Ваша милость позволит, о мнениях из последней книги мистера Монтегю, которые в наше время обеспокоили многих: некоторые из них являются ясно высказанными и бесспорными доктринами церкви Англии, которых он придерживается. Некоторые из них пригодны только для школ, и должны подаваться с большей свободой, чтобы научить людей следовать собственному чутью, чтобы они были спокойны и благосклонны к церкви. А убедить людей придерживаться школьных доктрин всегда было трудом для церкви Христа и главнейшим провалом Тридентского собора. И призывать их отказаться от их убеждений (которых они придерживаются) и присоединиться к церкви, значит породить огромную опасность. <...> И мы преданно просим Вашу милость согласиться, а затем и подвинуть на это Его величество (если вы сочтете это приемлемым), что это может повлечь за собой опасные последствия. Во-первых, если каждый судья будет рассуждать о доктрине, мы отступим от завета Христа, курса и практики церкви. Во-вторых, если церковь восстанет сама против себя, нам остается только страшиться последствий. В-третьих, это может в определенной мере затронуть честь покойного отца Его величества, <...> короля Якова, который знал и одобрил все положения этой книги. И он, в своей редкой мудрости и чувстве справедливости, никогда бы не разрешил их, если бы они не соответствовали правде или церкви Англии. <...> Учитывая все это, нам почти нечего добавить о личности мистера Монтегю; только то, что, насколько нам известно, он – очень хороший

богослов и крайне честный человек; человек, старающийся всеми способами служить Богу, Его величеству и церкви Англии»¹.

Как мы можем видеть, письмо написано простым и откровенным тоном. Из его текста мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, епископы, обращающиеся к герцогу Бекингеу, нисколько не сомневаются в его возможностях воздействия на короля. Во-вторых, они призывают к тому, чтобы трактовать доктрины церкви более мягко, склоняя верующих к собственным размышлениям, что приведет их к большей вере. В-третьих, они не одобряют распри внутри церковной организации, а также вмешательство гражданских судей в духовные вопросы.

Сплочение некоторых епископов, являвшихся сторонниками Монтегю, с королем и герцогом, вызывало негативную реакцию у общин, посчитавших, что королевская власть в очередной раз пытается оспорить их права на отправление правосудия. Сплотившаяся оппозиция считала себя ортодоксальными протестантами, в то время как сторонники Монтегю стали в их глазах приверженцами примитивной веры без четких канонов, не говоря о том, что они были фаворитами и ставленниками короля и герцога, а значит преследовали единственную цель – поставить церковь под контроль двора². Таким образом, духовные вопросы отходили на второй план, уступая место политическим мотивам сторон.

Прерванное роспуском парламента слушание продолжилось в феврале 1626 года, когда был созван второй парламент короля Карла I. О серьезности ситуации говорит то, что пэры впервые устроили закрытое заседание, чтобы выработать дальнейшую стратегию. Оно состоялось 11 февраля (а затем 17 февраля) в доме герцога Бекингема в присутствии его самого, короля Карла и ряда епископов – Рочестера, Карлайла, Литчфилда и Линкольнс-инна.

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1260-1262.

² Davids T.W. Annals of Evangelical Nonconformity in the County of Essex, from the time of Wycliffe to the Restoration ... P. 137-138.

Официальное слушание по вопросу книги «Воззвание к Цезарю» началось в палате общин 18 апреля 1626 года. На нем мистером Пимом был зачитан текст импичмента, состоявший из девяти пунктов. Большинство из них были связаны с расхождениями и противоречиями между текстами второй книги гомилий¹ и работами Монтегю. Так, в первом случае говорилось, «что церковь Рима в настоящее время и за 900 лет свои настолько далеко отошла от природы истинной церкви, что «дальше» ничего не может быть»²; Монтегю же утверждал, что «церковь Рима есть, была и всегда будет истинной церковью, с тех самых пор, как стала ею»³. Монтегю также придерживался мнения, что заповеди римской церкви были установлены Богом, образы в церкви могут способствовать пробуждению веры, святые превосходят священных лиц в небесной иерархии и т.д.⁴. Наибольшие возражения у обвинителей вызвало убеждение Монтегю, что, не считая различий в доктринах, протестанты и паписты равны в своей вере и нравственности⁵. За это общины призывали подвергнуть мистера Монтегю наказанию, которое бы «отвратило других от попыток так своевольно нарушать мир в церкви и в стране, а вышеназванная книга должны быть изъята и сожжена»⁶.

Нам неизвестно, дошло ли решение палаты общин до короля и было ли оно приведено в исполнение. Вероятно, общины просто отбросили это дело, так как весной 1626 года они готовили другой импичмент, который должен был кардинально изменить ситуацию в стране.

Дело Монтегю свело вместе всех участников противостояния, развернувшегося в высших кругах Англии во второй четверти XVII века. На одной чаше весов мы видим палату общин, на другой – двух королей, за

---

¹ ориг. «The Second Tome of Homilees: of such matters as were promised, and intituled in the former part of homilees. Set out by the auctoritie of the Queenes Maiestie: and to be read in euery parishe church agreeably», 1571.

² Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1264.

³ Ibidem.

⁴ Foster J. Lives Of Eminent British Statesmen. 7 vols. London, 1837. Vol. III. P. 34-36.

⁵ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1264.

⁶ Ibid. P. 1266.

спинами которых возвышается фигура всемогущего фаворита, герцога Бекингема. Палата лордов долгое время искала свое место в этой дуальной системе, начав с поддержки притязаний общин, но к 1625 году отказавшись от опасного союза, но так и не приняв сторону короля. Третий крупный игрок, церковь Англии, страдала от отсутствия единства в своих кругах, и если рядовой епископат по-прежнему видел в короле символ единства и стабильности, то архиепископ Кентерберийский заключил мощный союз с палатой общин, впрочем, союз односторонний – церковь по-прежнему ревностно охраняла свои привилегии и право суда над священнослужителями.

3.2. Дело Джорджа Вилльерса, герцога Бекингема.

Безусловно, самым скандальным делом первой половины XVII века стоит считать разбирательство об импичменте, вынесенном Джорджу Вилльерсу, герцогу Бекингему. Это дело, слушавшееся в парламенте в 1626-1628 гг. затмевало другие не только по разнообразию обвинений, но и по масштабу личности, против которой они были выдвинуты. Еще во время продолжительной болезни короля Якова Бекингему удалось сосредоточить в своих руках все нити власти в королевстве, а после его смерти Джордж Вилльерс *de facto* стал правителем Англии и покровителем короля Карла. Выдвижение палатой общин обвинений против такого человека означало начало полномасштабной войны, которая смела на своем пути и короля, и старый строй.

Призрак будущего импичмента появился в парламенте еще 6 августа 1625 года вместе с речью Роберта Коттона, направленной против влияния Бекингема. Очевидно, в парламенте вхождение на престол нового короля рассматривалось как удобная возможность избавиться от надоевшего фаворита. Одновременно, высказывая свою формальную поддержку королю, общины рассчитывали изменить баланс сил и добиться для себя, «верных слуг» короля, дополнительных привилегий. Что касается фаворитов, то Коттон, от лица парламента, заявил: «Мы только из верности долгу открываем наше смиренное желание, чтобы Его величество мудро и по справедливости избирал себе умных, религиозных и честных слуг, которые будут помогать ему в столь благородном деле; он будет рад в совете с ними найти способы избавления от несчастий в королевстве, чтобы привести его к безопасности и счастливому миру; и не будет ведом волей одного молодого советника»¹.

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the year 1783. 21 Vols. London, 1816. Vol. II. P. 1272.

Как упоминалось ранее, действовал этот парламент недолго, но, вернувшись к работе в феврале 1626 года, он с удвоенным рвением принялся готовить импичмент против Бекингема, основой для которого стали тезисы, зачитанные в палате общин доктором Тернером: «1. Разве герцог, будучи лордом главным адмиралом, не стал причиной потери влияния короля на море? 2. Разве постоянное, неоправданное и неумеренное одаривание герцога и его семьи деньгами и землями не стало причиной истощения богатств короны и доходов короля? 3. Разве умножение должностей герцога и его сторонников, не способных к ним, не стало причиной ухудшения управления страной? 4. Разве католики возродились и окрепли не потому, что мать и тесть герцога остаются сторонниками Папы? 5. Разве продажа должностей, милостей и судебных полномочий, а также чинов и бенефициев духовенства, больно ударяющая по королевству, не проходит через герцога? 6. Разве тот факт, что герцог оставался на суше, будучи адмиралом и главнокомандующим морской и сухопутной армиями, не является причиной неудач и будущих поражений; и разве благие указания он раздавал в прошлой компании?»¹».

Одним из активных сторонников импичмента среди пэров стал граф Бристол. Джон Дигби, граф Бристол, имел долгую историю противостояния с королем с Бекингемом. Будучи дипломатом, он был центральной фигурой парламентской партии, выступавшей за испанский брак. После провала этой идеи он был отстранен от своих должностей, а позднее, при Карле I, и вовсе заключен в Тауэр. Бристол, на наш взгляд, ошибочно, посчитал инициатором этого герцога Бекингема, что укрепило существующую между пэрами идиосинкразию².

Несмотря на то, что Бристол не был виновен в неудаче переговоров об испанском браке, так как причиной являлись неразрешимые с самого начала противоречия, а также неготовность испанцев идти на компромисс, король

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1273.

² Hunneyball P.M. The Development of Parliamentary Privilege, 1604-29 // Parliamentary History Yearbook Trust. 2015. P. 125-126.

увидел в этом шанс отвести удар от герцога Бекингема, сделав Бристола «истинным» виновником¹. Подобная недалёковидность Карла I и его прежняя убежденность в своей неподсудности, несмотря на изменившиеся обстоятельства, привела в дальнейшем к печальным событиям английской истории.

Даже после заключения Бристол продолжал считать Бекингема виновным не только в своем заключении, но и в срыве переговоров в Испании². Так, в своем ответном слове парламенту он заявил, что «герцог Бекингом вел секретные переговоры с графом Гондомаром, послом испанского короля»³, а также, что он «был наставлен в католической вере, а затем распространил это влияние на принца и предал истинную английскую веру»⁴.

Несмотря на негативное отношение к герцогу, Бристол оставался убежденным роялистом и сохранял преданность королю Якову I. Так, одно из его обвинений в адрес Бекингема звучало: «в разговоре с герцогом <Бекингом> нелестно отзывается в адрес короля»⁵. Ответ Бекингема был красноречив: «я заверяю ваши светлости, что он искажил слова моего покойного друга [Якова], когда тот выразился недостаточно ясно; не заставляйте страдать моего дорогого друга, который [более] не может говорить за себя, думая, что он в конце изменил мне в доверии; <...> если бы граф Бристол был близок к его величеству, он бы переменил свое мнение»⁶. Своими словами герцог Бекингом умело разрушил защиту Бристола, отметив, что тот не может говорить за короля, его «дорого друга», так как не знал его также хорошо, как сам Бекингом.

---

¹ Zaller R. Discourse of Legitimacy in Early Modern England. USA, 2007. P. 633.

² Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия. СПб, 2005. С. 279.

³ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1288.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. P. 1273.

⁶ Ibid. P. 1299.

После этого в парламенте была зачитана петиция графа Бристола против герцога Бекингема, и вице-камергер палаты общин выразил желаниии общин собраться совместно для обсуждения всех пунктов обвинения против Бекингема. 22 апреля палата общин направила Бекингему извещение о необходимости предстать перед парламентом и ответить по всем пунктам обвинения. 24 апреля пришел ответ от Бекингема, в котором он заявил, что не станет отвечать перед парламентом до тех пор, пока к нему не обратится палата лордов, что в полной мере соответствовало традиции и законам Англии, но несмотря на это, должно быть, вызвало у общин большое раздражение.

27 апреля в парламенте впервые прозвучало самое серьезное из обвинений в адрес Бекингема. Мистер Гленвилл сделал заявление о том, что несмотря на распоряжения докторов, лечивших короля Якова в последние дни его жизни, не давать ему ни еды, ни питья, того, по приказу Бекингему, поили каким-то настоем, а также приклеивали пластыри¹. После совещания этот пункт так же был включен в текст импичмента.

К началу мая общины окончательно подготовили текст импичмента, который был направлен 8 мая в палату лордов. Главными действующими лицами на будущем процессе должны были стать сэр Дадли Диггс, мистер Херберт, мистер Селден, мистер Гленвилл, мистер Уитби, мистер Пим, мистер Уандерсфорд и сэр Джон Эллиот².

Полный текст импичмента включал в себя 13 статей с обвинениями. Вступление к импичменту включило в себя внушительный перечень всех должностей Бекингема: «для скорейшего избавления от всех зол и бед, а также причины этих зол и бед, от которых сейчас жестоко страдает и страдало последние годы королевство Англии, и для чести и безопасности нашего государя короля, и для его короны и достоинства, и для блага и процветания

---

¹ Murray J. The trials of Charles the First, and of some of the regicides: with biographies of Bradshaw, Ireton, Harrison, and others: and with notes. London, 1832. P. 35-36.

² Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1303.

его людей; общины в настоящем парламенте властью, данной им государем и королем, своим биллем выступают против Джорджа, герцога, маркиза и графа Бекингема, графа Ковентри, виконта Вилльерса, барона Уэддона, лорда высокого адмирала королевств Англии и Ирландии, графств Уэльса и доминионов и островов, города Кале и Нормандии, Гаскони и Гиени, верховного губернатора морей и кораблей названных королевств, генерал-лейтенанта, адмирала, капитана и главнокомандующего королевским флотом и армии, конюшего нашего государя короля, лорда-хранителя, казначея и адмирала Пяти портов, констебля Дуврского замка, судьи по делам всех лесов и охотничьих угодий по реке Трент, констебля замка Виндзор, постельничего Его величества и одного из наиболее доверенных советников Его величества по делам Англии, Шотландии и Ирландии, и рыцаря наиболее почетного ордена – ордена Подвязки; <...> названный герцог обвиняется в вышеназванных нарушениях, растратах, проступках и преступлениях»¹. Несмотря на то, что список должностей Бекингема и вправду выглядел объемно, для большей весомости общины добавили от себя Нормандию, Гасконь и Гиень, которые в данный период уже принадлежали Франции.

И, в подтверждение наших мыслей, первая статья обвинения касается множества должностей. Обратимся к тексту: «Во-первых, тогда как ранее должности, перечисленные во вступлении, принадлежали отдельным людям, которые получали повышение по службе за выдающуюся мудрость и надежность и были способны в полной мере нести груз службы и работать во благо королевства, из-за чего упомянутые обязанности исполнялись точно и аккуратно <...>; и эти должности, каждая отдельно от другой, требовали полной заботы, прилежания и внимания со стороны аккуратного и наиболее способного человека; но названный герцог, будучи молодым и неопытным и в последние годы сверх меры амбициозным, для собственной выгоды и преимущества сосредоточил в своих руках несколько названных должностей,

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1307 - 1308

что является угрозой для королевства, ущербом для службы, которую следует нести на этих должностях; и, к великому неудовольствию всех остальных, сосредоточение в его руках названных должностей заранее исключает надежды на продвижение, которое им должны были обеспечить их таланты, способности и забота об общественном благе»¹.

Вторая статья продолжала логику первой и касалась покупки должности лорда-адмирала². Вот что говорится в импичменте: «Между тем, согласно законам и постановлениям королевства Англии, если какой-либо человек дает или платит некую сумму денег, взнос или вознаграждение, прямо или косвенно, для получения любой должности или должностей, которые любым способом затрагивает или касается управления или отправления правосудия, или содержания любого из принадлежащих его величеству городов, крепостей или замков, использующихся для целей укрепления или защиты, такой человек, в зависимости от уплаченных или выданных взноса, суммы или вознаграждения, должен быть немедленно осужден по закону и освобожден от имеющихся у него или занимаемых им должностей или должности <...>; названный герцог в январе месяце или около того, на шестнадцатом году правления короля Якова, светлая ему память, дал или заплатил 3 тысячи фунтов законных денег Англии сэру Чарльзу, тогда графу Ноттингему, за должность лорда-адмирала Англии и Ирландии и графств Уэльса <...>; и после получения должностей вышеназванным герцогом <...>, герцог посылает названному графу ежегодный платеж, который вышеназванный граф так и получал всю свою жизнь»³. Третья статья схожего содержания касается покупки должности смотрителя Пяти портов.

Четвертая статья импичмента касается плохой защиты морей: «вышеназванный герцог <...> обязан во все времена, с тех пор как получил

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1308.

² Cogswell T. 'The Warre of the Commons for the honour of King Charles': the parliament-men and the reformation of the lord admiral in 1626 // Historical Research. 2011. Vol. 84. № 226. P. 620.

³ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1308 – 1309.

эти должности, обеспечивать безопасность, хранить и защищать моря и доминионы; он также обязан, если понадобятся люди, корабли, снаряжение или другие вещи, которые ведут к улучшению безопасности, время от времени использовать свое величайшее желание, чтобы добиться этого от благородных лордов или совета и достать необходимое у своего покровителя или любым иным способом. Названный герцог с тех пор, как был расторгнут договор о субсидиях, заключенный на 21 году правления короля Якова, светлая ему память, (а с тех пор прошло уже три года) пренебрегал своими обязанностями на этой должности и службе и разрушил то доверие, которое ему оказали; он, несмотря на свои вышеназванные обязанности, не охранял названные моря; в действительности по причине его пренебрежения и невыполнения обязанностей не только торговля и мощь королевства Англии в названный период были подорваны, но и названные моря за это время были позорно заполнены пиратами и врагами, что привело к потере кораблей и товаров нашего государя короля; и доминионы названных морей, находившие под древней и бессменной патримонией королей Англии, оказались под угрозой совершенной потери»¹.

Пятая статья также касается морских должностей Бекингема. Она связана с историей, случившейся с кораблем из Нью-Хейвена «Святой Петр». Данное судно, перевозящее на своем борту товары на сумму 40 тысяч фунтов, принадлежащие французскому королю, было арестовано Бекингемом и «доставлено в порт Плимута в качестве трофея из-за того, что якобы корабль и товары принадлежали королю Испании. Партия названных товаров и груза была снята со «Святого Петра», в числе которых 16 бочек кошенили, 8 мешков с золотом, 23 мешка серебра, 2 коробки жемчуга и изумрудов, золотая цепь, драгоценности, монеты и другие товары на сумму 20 тысяч фунтов или около того; они были переданы вышеназванным герцогом в личное распоряжение Габриэля Марша, слуги названного герцога»². В связи с этим обвинением

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1310 – 1311.

² Ibid. P. 1311.

следует отметить, что накануне нападения Бекингема на «Святого Петра», 7 декабря, во Франции были задержаны два английских торговых судна, так что такую ситуацию нельзя считать ни чрезвычайной, ни экстраординарной.

Шестая статья импичмента связана с Ост-Индской компанией и изъятием у нее 10 тысяч фунтов по распоряжению Бекингема. Согласно тексту обвинения, суд Адмиралтейства потребовал от капитанов выплаты 15 тысяч фунтов; в случае же нарушения условий они могли отправиться в тюрьму. Переговоры продолжались до 23 числа, когда купцы пошли на уступки и выплатили – лично герцогу Бекингему – 10 тысяч фунтов, после чего они были отпущены¹.

Седьмая статья посвящена передаче семи кораблей, наибольшей ценностью среди которых обладал «Авангард» под командованием Джона Пеннингтона, в руки французов. Восьмая статья примыкает к предыдущей, и они могли бы рассматриваться совместно. Данные семь кораблей были использованы французским королем против восставших протестантов Ла-Рошели, которые воспринимались англичанами как люди той же веры. В качестве возможного объяснения действий Бекингема, а точнее бездействия, импичмент указывает его конфессиональные сомнения и возможную склонность к католицизму. Как мы полагаем, король Яков и сам испытывал к католицизму определенную склонность, а Карл I и вовсе открыто ему симпатизировал, тем не менее намеренная передача кораблей французам из-за приверженности к католической вере выглядит надуманной даже для общин.

Статьи с девятой по одиннадцатую следует рассматривать совместно и объединить как обвинение в продаже должностей². Подобная практика не нова и, наряду с взяточничеством, была наибольшей проблемой королевского двора. Помимо своих клиентов, Бекингем щедро одаривал и родственников, предоставив: «титул графини Бекингем для своей матери, которая была женой сэра Т. Комптона; титул графа Англии для своего младшего брата, Кристофера

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1313.

² Peck L.L. Court Patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1993. P. 10.

Вилльерса; титулы барона Ньюхэма из Паддокса, виконта Филдинга и графа Денби супругу своей сестры, сэру У. Филдингу; титулы барона Стока и виконта Пурбека сэру Джону Вилльерсу, старшему брату¹».

Наиболее объемными стали обвинения в растрачивании королевской казны и приобретении поместий с огромным годовым доходом, чему также невозможно удивляться в виду широкой распространенности практики среди пэров.

Безусловно, наиболее опасным для герцога Бекингема, стало тринадцатое обвинение об опоминавшемся ранее лечении Якова, приведшего к его смерти, так как, будь оно доказано, другие попросту бы не потребовались для обвинения герцога в очевидной и безоговорочной измене, закрепленной в Акте об измене 1352 года. Согласно тексту импичмента, «герцог Бекингем, будучи доверенным слугой Его величества и находясь в спальне Его величества, вопреки своим обязанностям и уважению, которое он должен был иметь к священной персоне Его величества, <...> совершил тем не менее, без какого-то предписания, самоуверенный поступок и предложил определенный пластырь и напиток или микстуру к использованию Его величеством без указаний или сведения названных докторов <...>. После этих пластырей и напитка или микстуры, которые ему давали, и которые Его величество, как было сказано, использовал и принимал, расстройство здоровья и другие симптомы болезни проявились у Его величества в такой степени, что названные доктора нашли на следующий день Его величество в заметно ухудшившемся состоянии здоровья²». Риторика статьи не подразумевает обвинения Бекингема в намеренном отравлении короля, но пособничество его смерти – серьезное обвинение само по себе. Подобные действия со стороны Бекингема выглядят достаточно странно. Что могло толкнуть его на такой самоуверенный поступок? Не боялся ли он последствий или даже обвинения в отравлении? К счастью, в нашем распоряжении есть документ, отчасти

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1306.

² Ibid. P. 1318 – 1320.

проясняющий произошедшее - показания, принадлежащие некому Уилсону и опубликованные епископом Кеннетом. По словам Уилсона, «наш король, который был крайне нетерпелив в отношении своего здоровья, был кроток в своей болезни и смерти. Он принимал любую вещь, которая могла одурманить его разум или приблизить его конец; но графиня Бекингем, которая покупала вещи у шарлатанов, и чья слава говорит сама за себя, вмешалась в его здоровье и в отсутствие врачей передала ему лекарство, чтобы пить, и пластырь, чтобы клеить [на тело], о котором король жаловался больше всего, но они усилили его недуг, вместо того, чтобы облегчить. И эти вещи были доставлены герцогом, ее сыном, имевшим доверие короля и сказавшим ему, что они являются одобренными лекарствами и заметно ему помогут. И несмотря на то, что герцог пытается уйти от обвинений, говоря, что получил оба лекарства от доктора Ремингтона в Данмау, Эссекс, который часто лечил лихорадки и подобные недомогания, существуют доказательства, которые не так просто опровергнуть¹». Как мы видим, в деле лечения короля Якова оказалась замешана миссис Комптон, графиня Бекингем. Ее упомянутая слава и связь с шарлатанами широко известна и, очевидно, недалеко от истины². Мы можем полагать, что графиня, узнав о болезни короля, близкого друга ее сына, не преминула купить лекарства у уличного торговца, которые, по ее убеждению, могли вылечить короля. Передав их через слугу королю, она вызвала у него новый приступ лихорадки. По всей видимости ни графиня, ни ее сын, который мог быть и не поставлен в известность, не желали таких последствий. Тем не менее еще со времени смерти короля Якова I существовали теории заговора, гласящие, что Бекингем в сговоре с матерью отравил короля³, но, похоже, такой вариант не рассматривался даже палатой общин.

Данные статьи импичмента рассматривались обеими палатами парламента в течение двух дней в составе 24 человек.

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1320 – 1321.

² Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия. СПб: Алетейя, 2005. С. 261-262.

³ см. Eglissham G. Prodromus Vindictæ in Ducem Buckinghamiæ Pro Virulenta Cæde ... Regis Iacobi, Nec-Non Marchionis Hamiltonij, Ac Aliorum Virorum Principum. Frankfurt, 1626.

Комментарии по первым трем – покупке должностей, в том числе лорда-адмирала и смотрителя Пяти портов – давал мистер Герберт¹. Позиция мистера Герберта заключалась в том, что Бекингом «сосредоточивший в своих руках такую власть, в случае своей ошибки, мог нанести много вреда и разрушить королевство»². Также мистер Герберт указал, что покупать должности лорда-адмирала и смотрителя пяти портов – это все равно, что «вешать ярлыки с ценой на стены и ворота королевства»³. После выступления мистера Герберта слово взял мистер Селден, зачитавший четвертый и пятый пункты обвинения⁴ и обвинивший Бекингема в «огромном вреде для английских купцов» и «упадке морского права»⁵.

Обвинения по шестому, седьмому и восьмому пунктам комментировал мистер Гленвил. Он подготовился к процессу лучше своих предшественников и предоставил обширный материал по каждому из пунктов обвинения; к ним нам следует обратиться с большим вниманием. Шестой пункт, напомним, был посвящен делу Ост-Индской компании. Сперва Гленвил обратился к истории: «В договоре от 18 августа 1604 года между нашим предыдущим государем королем Яковом I, светлая ему память, и Филиппом III, королем Испании, было указано, что устанавливается дружба и мир для каждого клочка земли, моря и водного пространства между этими королями, их преемниками и наследниками⁶». В случае нарушения какого-либо из пунктов договор устанавливал, что ответственный должен не только понести наказание, но и возместить всю сумму ущерба. Данный договор был аннулирован после того, как «случилось вмешательство и насилие со стороны слуг испанского короля

---

¹ Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. P. 3-6.

² Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1325.

³ Ibid. P. 1326.

⁴ Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. P. 9-12.

⁵ Cogswell T. 'The Warre of the Commons for the honour of King Charles': the parliament-men and the reformation of the lord admiral in 1626 // Historical Research. 2011. Vol. 84. № 226. P. 621-622.

⁶ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1329.

<...> по отношению к купцам Ост-Индской компании»¹. В качестве места некоторые купцы Ост-Индской компании, в том числе капитаны Блит (Blith) и Уиделл (Wedell), захватили товары португальцев, принадлежавшие королю Испании, и доставили их на остров Ормуз². Для описания последующих событий снова предоставим слово мистеру Гленвилу: «В июле 1623 года два корабля, называемые «Лайон» и «Джонас» и принадлежащие флоту названной компании, возвратились из Ормуза <...>, богато нагруженные товарами, по закону принадлежащими названной компании, на сумму в 100 тысяч фунтов. Герцог Бекингом в октябре, или около того, 1623 года, узнав об этом и будучи хорошо осведомлен о богатстве компании, почувствовал для себя возможность заполучить большую сумму денег названной компании от этих кораблей и их груза; будучи лордом-адмиралом Англии и исходя из своей власти и могущества, он имел возможность совершить это <...>³». Гленвил дает нам полное представление о стоимости кораблей и груза: «названные корабли и шлюпки со всей своей провизией, запасами и артиллерией стоили 54 тысячи фунтов, нагруженные одеждой и другими товарами на сумму 20 тысяч фунтов, они также имели с собой около 30 тысяч фунтов в испанских риалах, что в общем составляло около 100 тысяч фунтов»⁴. Эти корабли собирались покинуть Англию 1 марта. Расписание движения купеческих кораблей было очень точным и зависело от ветров; промедление в несколько недель могло означать потерю большей части дохода. Мистер Гленвил обнаруживает здесь хорошее знание тонкостей торгового дела, что позволяет нам сделать вывод, что герцог Бекингом, будучи лордом-адмиралом, должен был знать об этом как минимум не меньше. Нам хорошо известно, что герцог Бекингом действовал не самовольно. Перед тем как предпринять действия, он обратился в палату лордов, убедив их, что у Англии не будет другой

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1330.

² Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. P. 71.

³ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1330.

⁴ Ibid. P. 1331.

возможности вернуть себе деньги, потерянные из-за рейдов испанцев. Даже мистер Гленвил не отрицает, что согласие лордов было практически единогласным. Что было дальше, нам известно: с вышеназванных капитанов Блиса и Уиделла адмиралтейство потребовало выплаты в размере 15 тысяч фунтов, на что компания ответила отказом под предлогом того, что они не могут решить это дело до выборов нового главы компании, так как прежний скончался несколько дней назад. Компания попыталась решить это дело тайно, предложив лично герцогу Бекингему 6 тысяч фунтов, которые от отверг. 23 марта, боясь окончательно выбиться из графика, компания предложила герцогу 10 тысяч фунтов. Согласно словам Гленвила, Бекингем отпустил корабли 27 марта, а выданные ему 10 тысяч утаил от парламента¹. Технически, эти деньги получил даже не Бекингем, а его слуга, мистер Оливер². Мистер Гленвил обвинил Бекингема в злоупотреблении своим положением, незаконном изъятии у Ост-Индской компании 10 тысяч фунтов и утаивании их от казны королевства.

Седьмой и восьмой пункты Гленвил рассматривает совместно, считая их, вслед за нами, частями одного и того же обвинения. Снова передадим ему слово: «Около 22 года правления нашего дорогого государя короля Якова, светлая ему память, между нашим государем и французским королем был заключен договор о браке между благородным принцем, а ныне нашим милостивым королем, и сестрой французского короля, ныне нашей королевой; а также о вступлении в войну против короля Испании и его сторонников в Италии и Вальтолине (Valtoline). Наш названный государь дал обещание послу французского короля, маркизу д'Эффиа (D'Effiat), предоставить или ссудить некоторые корабли Франции на приемлемых условиях; но не предполагая и не мысля, что они могут быть использованы против Рошели или других наших единоверцев во Франции; и французские послы заверили

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1335.

² Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. P. 136.

нашего короля, что эти корабли будут использованы против Генуи и никак больше¹». После заключения соглашения английский корабль «Авангард», а также шесть торговых судов были подготовлены для службы французскому королю. Согласно инструкциям, выданным капитану «Авангарда» Джону Пеннингтону, корабль не должен был использоваться против Рошели или других протестантов, а количество англичан на борту должно превосходить количество французов. Несмотря на то, что эти инструкции распространялись на все семь судов английского флота, они были непосредственно восприняты только «Авангардом». Как оказалось, д'Эффия заключил особый договор с остальными шестью торговыми кораблями², который гласил: «1. Названные корабли с определенным количеством людей, снаряжением и запасами должны быть готовы к службе французскому королю к 13 апреля. 2. Они должны поступить под командование французского генерала в качестве капитана на каждом корабле и под управление французского короля или его посла. 3. Они должны служить французскому королю против любого врага, на которого он укажет, кроме короля Великой Британии. 4. Они должны принять на борт столько солдат, сколько смогут увезти, включая их запасы и снаряжение. 5. Они должны оставаться на французской службе от 6 до 18 месяцев. 6. Они должны находиться под полным французским командованием во время битвы или плавания³». Но после того как английские торговые корабли поступили на службу французскому королю, они изменили свое мнение и решили проинформировать капитана Пеннингтона о том, что их собираются послать против Рошели, направив ему петицию и «написав под петицией свои имена в один круг так, чтобы не было понятно, кто являлся зачинщиком; и они положили ее под его молитвенник, где он нашел ее и прочитал⁴». После этого капитан Пеннингтон принял решение разорвать

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1338.

² Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. P. 158-162.

³ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1339 – 1340.

⁴ Ibid. P. 1341.

соглашение с французами и в конце июня или в начале июля 1625 года возвратился в порт Даунс (Downs), откуда направил герцогу Бекингему письмо, приложив к нему петицию. После того как о петиции узнали Бекингем, лорд Конви и сэр Джон Кук в Хэмптон-Корте состоялось обсуждение вопроса. К удивлению капитана Пеннингтона, 15 июля он получил от лорда Конви письмо, в котором тот приказывал капитану снова поступить в распоряжение французского короля и служить ему до окончания срока договора. Одновременно с этим в Рочестере состоялась встреча трех французских послов в Англии с английскими капитанами. На этой встрече были закреплены и подтверждены все пункты договора капитанов с д'Эффия¹. По словам Гленвила, Бекингем приказал английским капитанам подчиниться письму Конви и возвратиться на французскую службу, но также сообщил им, что «посол не обладает достаточными полномочиями, и когда они возвратятся в Дьеп, они должны сохранять корабли под своей властью до тех пор, пока не будут приняты устраивающие их условия²». Английские корабли возвратились в Дьеп 20 июля, где на них было оказано такое давление, что они посчитали невозможным следовать совету герцога Бекингема, о чем немедленно сообщили ему в письме. Ответ Бекингема был прежним: придерживаться указаний, данных в письме лорда Конви. Гленвил замечает, что все это происходило при полном неведении короля, убежденного в том, что все инструкции и пункты договора с Францией исполняются в точности³. В то время как капитаны твердо стояли на своем, требуя немедленного возвращения в Лондон, маркиз д'Эффия, успокоенный письмами Бекингема, не принимал их требования в расчет. В начале августа 1625 года в Дьеп также прибыл и поступил в распоряжение французского короля «Авангард»⁴. Более того, капитан Пеннингтон, следуя распоряжениям короля, подавил бунт на

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1342.

² Ibid. P. 1343.

³ Ibid. P. 1345.

⁴ Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. P. 191-193.

торговых английских судах и привел их в повиновение французским властям. Наконец 16 августа, после того как французский король снабдил английские корабли всем необходимым и выплатил Лондону 213 тысяч ливров, он получил полный контроль над семью кораблями английского флота.

В то же самое время английский парламент находился в Оксфорде. На заседании 6 августа Бекингом, перед лицом короля, заявил, что у Англии нет причин переживать за исполнение договора с Францией, так как по прошествии пяти месяцев английские корабли так и не были направлены против Ла Рошели. Несмотря на то, что Гленвил называет подобное заявление Бекингема «наглым и лживым»¹, у нас нет причин считать, что Бекингом думал по-другому. Очевидно, что Англия в этот период находилась в плену иллюзии возможного дружественного союза, скрепленного браком, с Францией, видя в ее лице надежного союзника против Испании. Подобные заблуждения не давали увидеть объективную реальность, и Англия стремилась исполнить свои обязательства любой ценой. Возможно, Бекингом полагал, что он очень умело разрешил конфликтную ситуацию и не нарушил договора. К тому же срок службы английских кораблей на французского короля почти истек, что давало шанс на их скорое и безболезненное возвращение домой. Также очевидно, что французский король был не так педантичен в соблюдении условий договора и видел возможность воспользоваться расположением Англии для достижения собственных целей. Спустя месяц после прибытия «Авангарда» в Дьеп, английские суда были направлены на захват Рошели и почти полностью уничтожены в этой военной компании².

В данном случае мы не можем полностью переложить ответственность за случившееся на плечи герцога Бекингема. Как мы можем видеть, произошедшее следует скорее считать поражением английской дипломатии, ослепленной иллюзией союза с Францией. Решение о соблюдении условий

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1349.

² Murray J. The trials of Charles the First, and of some of the regicides ... P. 40.

договора было решением короля, лорда Конви, парламента и герцога Бекингема. Однако будь на посту лорда-адмирала более опытный и сведущий в морском деле человек, возможно, он смог бы оказать на ситуацию больше влияния, чем герцог Бекингема.

После блестящего выступления мистера Гленвила слово взял мистер Пим, прокомментировавший девятый, десятый и одиннадцатый пункты импичмента. Все они связаны с покупкой и продажей должностей, что облегчало дело мистера Пима, так как в его руках находились фактические свидетельства. Большая часть речи мистера Пима принадлежит полю чистой риторики и не требует анализа. Мистер Пим упоминает конкретные имена только в одном случае: «Мартин и Бабингтон, а также другие, были избраны сержантами, хотя они отказывались от этого из своей скромности и сомневались, что по своим качествам подходят для этой должности¹». Для доказательства аморальности продажи должностей Пим обращается к Хартии² и «Этике» Аристотеля³. К сожалению, другого фактического материала в речи мистера Пима найти нельзя.

Комментарии по двенадцатому пункту обвинения оставил для нас мистер Шерлэнд, который, также как и Гленвил, подготовил подробный и информативный отчет, хоть и скромно выразил надежду, что лорды «не ждут от меня такой же уверенной и сильной речи, как те, что принадлежали моим коллегам»⁴. Шерлэнд обличает продажу титулов лицам, которые не заслуживают такой высокой чести, что является «пагубным для короля <...> и королевства»⁵. В качестве доказательств Шерлэнд приводит два прецедента. Первый имел место при Генрихе VI, когда герцог Саффолк, Уильям де ла Пул (William de la Pool) сделал супруга своей племянницы графом Кендалом. Второй прецедент случился в правление Эдуарда IV. Тогда Джон Невил,

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1353.

² Ibid. P. 1354.

³ Ibid. P. 1355.

⁴ Ibid. P. 1356.

⁵ Ibid. P. 1358.

герцог Бедфорд, получил такой высокий титул не по праву рождения, а заплатив за него деньги.

Что касается присвоения земель короны, то тут Шерлэнд особо подчеркивает, что «это относится не только к герцогу, так как другие тоже получали подобные подарки от короля, но не в таких размерах»¹. Кроме того, Шерлэнд говорит о том, что Бекингом обманул короля, не открыв ему глаза на истинную стоимость земли: «король сам не знал, что давал; хотя истинная стоимость была 2 тысячи фунтов, он думал, что она может стоить 4 тысячи»². По словам Шерлэнда, Бекингом подавал в казначейство ложные документы о продаже; суммы в них были сильно занижены по сравнению с теми, которые Бекингом реально выручал от сделок.

Что касается растраты королевской казны, то здесь Шерлэнд с особой тщательностью подсчитал, что все земли, дарованные Бекингу за 10 лет, имеют стоимость в 162 995 фунта, не считая 3 тысяч ежегодного дохода от торговли, за вычетом 7 тысяч, которые Бекингом должен платить королю за Ирландию, но, возможно, не платит³. Шерлэнду также известно о тайных услугах посредничества, которые Бекингом оказывал за денежное вознаграждение. Помимо доходов с земель, Бекингом получал большие выгоды от своих морских должностей. В качестве доказательства Шерлэнд приводит суммы в 20 и 30 тысяч фунтов, которые Бекингом получил в январе 1624 года. По словам Бекингема, он лишь являлся посредником при передаче их в казну Адмиралтейства, но Шерлэнду не были известны документы, которые бы подтверждали поступление этих денег в казну. Еще одним источником денег Бекингема являются непосредственные денежные подарки от короля, направляемые им на поддержание имений Бекингема. Шерлэнд называет огромные сроки, на которые земля переходит во владение

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1358.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 1361.

Бекингема: от 30 до 100 лет. Таким образом, окончательную стоимость имущества Бекингема он оценивает в 284 395 фунтов¹.

Последнее обвинение, обвинение в пособничестве смерти короля, прозвучало из уст мистера Уандесфорда (Wandesford). Его речь была краткой. Уандесфорд отметил общее ухудшение здоровья короля в последние дни болезни, а также «странные эффекты, которые последовали за применением клейкого пластыря»². В качестве прецедента Уандесфорд вспоминает случай с герцогом Сомерсетом, который перевез ночью Эдуарда VI из Хэмптон-Корта в Виндзор. Уандесфорд, мало разбирающийся в медицине, обращается за компетентным мнением: «по мнению мистера Брактона, если не врач и не хирург затеет лечить болезнь, и больной умрет на его руках, то это уголовное преступление»³.

Заключение к импичменту произнес сэр Джон Эллиот и, как и вступление Диггса, оно вызвало неодобрение среди лордов, которые посчитали, что они зашли в своих речах слишком далеко, обвиняя не только герцога, но и короля. По личному указанию короля сэр Дадли Диггс и сэр Джон Эллиот были заключены в Тауэр.

11 мая на защиту Бекингема встал сам король, произнесший речь перед палатой лордов: «Мои лорды; причина, единственная причина, по которой я пришел к вам сегодня, это желание выразить свою благодарность вашим заслугам; то, что затрагивает любого из вас, также затрагивает и меня. Я хотел просить разрешения наказать за некоторые дерзкие речи, которые были недавно произнесены. Я был слишком невнимателен ранее к наказанию подобных речей, касающихся меня; это Бекингем, из-за своей настойчивости, не позволял мне замечать их, чтобы не казалось, будто он руководит мною, и стремился сам решать дела, связанные с судом, доказывая свою невиновность. Но в деле, затрагивающим его, я сам могу быть свидетелем, чтобы очистить

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1364.

² Ibid. P. 1366.

³ Ibid. P. 1367.

его в глазах всех вас. Я говорю это не для того, чтобы вырвать дело у вас из рук, но чтобы открыть причину, почему я до сих пор не наказал за дерзкие речи против меня. А сейчас я надеюсь, что вы будете также внимательны к моим заслугам, о которых будет судить время, как и я к вашим»¹. Это обращение короля выглядит очень личным. У нас нет причин подозревать его в лукавстве относительно того, что Бекингом не ставил его в известность о подробностях импичмента. Более того, слова короля позволяют нам больше понять об участии Бекингема в процессе Бристола. В том деле переписка велась между графом Бристолом и лордом Конви, который обращался к нему от лица короля. Трудно представить, что Бекингом, всегда отличавшийся в делах, касающихся его, прямолинейностью, мог действовать настолько опосредованно. Более вероятно, что дело Бристола, серьезно испортившего репутацию короля в глазах парламента, было его личной инициативой.

Общины не были готовы мириться с тем, что два их наиболее активных члена были заключены под стражу за то, что открыто высказывали свое мнение. По этому вопросу выступил сэр Дадли Карлтон. Он попытался образумить палату общин и призвать их к компромиссу словами: «во всех христианских королевствах с древности существуют парламенты, управляющие королевствами самым благоприятным образом до тех пор, пока монархи не познают свою силу и, видя непокорный нрав своих парламентов, шаг за шагом наступают на их прерогативы и искореняют парламенты из христианского мира, чего пока не случилось с нами»². И чтобы этого не произошло впредь, сэр Карлтон призвал общины учесть мнение короля: «Что до Дадли Диггса и его части, которая была прологом, Его величество посчитал, что он зашел слишком далеко в своих обвинениях, описав смерть его благословенного отца в словах «ему было приказано палатой, принимая во внимание пластырь, использованный на короле, воздержаться от дальнейших разговоров в отношении королевского достоинства» или других схожих

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1372–1373.

² P. 1375.

словах; <...> Его величество уверен, что палата ему не доверяет. Теперь о том, что касается сэра Джона Эллиота и его грубых высказываний по поводу всего обвинения и в особенности по некоторым его пунктам; здесь, если вы вспомните, я предлагал убрать пункт о «Святом Петре» из Нью-Хейвена из обвинения герцога Бекингема и назвал причины, по которым следует это сделать; вам известно, как трепетно сэр Джон Эллиот относился к этому вопросу, словно это было его дитя <...>; и я должен заявить, что мне было очень жаль, когда он направил свое письмо лордам, жаль за его грубость в отношении герцога; когда ему приходилось называть его, он только обозначал его как «Этот человек» и «Человек»; в то время как другие выражали больше уважения и скромности в своих обвинениях против такой великой персоны, какой является герцог, учитывая, что он не был еще признан виновным <...>»¹. Как мы видим, даже общины не были едины в своем мнении относительно обвинения Бекингема, и были среди них те, кто опасался идти против воли короля, тем не менее это выступление следует скорее считать исключением, нежели правилом.

Как и рассчитывали общины, через несколько дней сэр Дадли Диггс, которому так и не выдвинули обвинения, был выпущен из Тауэра². После этого он выступил в парламенте, заявив, что никогда не произносил слов, которые ему приписали³. Сэр Джон Эллиот также был отпущен на свободу. В отличие от Диггса, Эллиот твердо стоял на своем и в ответ на обвинение, что не выразил Бекингема достаточно уважения, называя его «Этот человек», сказал, что все остальные «врут сами себе, боясь навлечь гнев короля или парламента»⁴. Тот факт, что сэр Джон Эллиот был выпущен на свободу, продолжая придерживаться подобных взглядов и, более того, выражая их

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1375 – 1376.

² Александрова С.П. Импичмент герцогу Бекингема как проявление резких противоречий между оппозицией и королем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Том 9. №46. С. 166.

³ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1376.

⁴ Ibid. P. 1378.

открыто в парламенте, может свидетельствовать только о слабости позиций короля Карла¹.

После того, как мы услышали голоса общин, лордов и короля, стоит послушать и самого обвиняемого. 8 июня Бекингом предстал перед палатой лордов, чтобы дать ответ по всем пунктам обвинения. Начал он с небольшого вступления: «Я спешил со своим ответом как мог, без предубеждения к моему делу, так как моя репутация и так слишком долго была под вопросом; я если Ваши светлости сейчас же потребуют от меня ответа, я готов, и я не желаю задерживать Ваши светлости от важных дел, к которым, надеюсь, относится и мое. Меня также печалит, что моя деятельность могла стать причиной неудачной иностранной политики в этом году и препятствием на пути важных решений, которые должны были облегчить жизнь нашим иностранным друзьям и обезопасить их дома; в этом, мои лорды, я уверен, вы в своих мыслях обвиняете меня. Когда я смотрю на свое обвинение в целом, как это делали общины, не интересуясь моими собственными мыслями и действиями, которые большинству из них неизвестны, меня не так удивляют их обвинения, о деталях которых они голосовали открыто; но, если бы они были лучше и честнее информированы обо всех деталях или дали мне возможность проинформировать их, я уверен, что они не стали бы тревожить Ваши светлости моим делом. <...>»². Иными словами, по мнению Бекингема, общины были недостаточно хорошо информированы о частностях тех обвинений, о которых они говорили в парламенте. После этого Бекингом перешел непосредственно к статьям импичмента.

По первому пункту обвинения, касающегося множества занимаемых должностей, Бекингом согласился, что «это правда, что он занимает некоторые эти места и должности, которые перечислены в преамбуле его обвинения, но из которых только три являются должностями, а именно должность лорда-

---

¹ Александрова С.П. Импичмент герцогу Бекингема как проявление резких противоречий между оппозицией и королем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Том 9. №46. С. 166.

² Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1421.

адмирала, смотрителя пяти портов и конюшего; другие же просто связаны с титулом и являются прибавлением к его достоинству; <...> и все эти определенные должности, которые он честно принял, Его величество держал под своим собственным контролем, за исключением только должности смотрителя пяти портов; но и здесь он выражал свое одобрение и поощрение»¹. Ответ Бекингема проясняет две вещи: во-первых, он существенно сокращает тот список должностей, которые ему приписывают в парламенте, а во-вторых, он, как и во многих местах в дальнейшем, ссылается лишь на волю государя, которой он был всецело подчинен. То же самое касается и второй статьи, а именно должности лорда-адмирала. Бекингом совершенно нивелирует свою роль в этом вопросе, отмечая, что именно предшественник его в этой должности убедил короля в целесообразности его назначения. Как мы помним, предыдущим лордом-адмиралом был сэръ Чарльз Говард, первый граф Ноттингем. Эту должность он занимал в течение 34 лет: с 1585 по 1619 год. На момент его отставки сэру Говарду исполнилось 83 года, поэтому утверждения Бекингема о том, что он был мало пригоден к продолжению службы, выглядят обоснованными. Но, как мы помним, обвинение Бекингема заключалось в том, что за эту должность он единовременно выплатил сэру Говарду 3 тысячи фунтов, а также гарантировал ему ежегодные платежи в размере тысячи фунтов. Для прояснения этого обратимся к тексту: «но это правда, что Его величество своей королевской волей за долгую и верную службу, помня о его заслугах перед ним и перед Англией, даровал названному графу пенсию в размере тысячи фунтов ежегодно до конца его жизни, что во все времена было принятой традицией для принцев награждать давних и достойных слуг в их преклонные годы, когда они не по своей вине становились непригодны для службы; а герцог также добровольно и свободно в качестве знака уважения своему благородному предшественнику, которого он до конца его дней называл отцом, на имение,

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1423 – 1424.

которое, как он понимал, находилось в очень плохом состоянии, с разрешения и одобрения Его величества, послал 3 тысячи фунтов, которые, как он надеялся, никто из достойных и честных людей не посчитает поводом для обвинения»¹. В данном случае свидетельства обвинения и свидетельства защиты входят в некоторое противоречие. В качества фактов мы можем признать следующее. Во-первых, в 1619 году сэр Чарльз Говард был крайне стар и более не способен исполнять должность лорда-адмирала надлежащим образом. Во-вторых, после его отставки и назначения на этот пост герцога Бекингема король Яков обещал сэру Говарду ежегодные выплаты в размере тысячи фунтов. В-третьих, сам Бекингем послал сэру Говарду 3 тысячи фунтов.

Такая же ситуация сложилась и с должностью смотрителя пяти портов: лорд Зуч, будучи в преклонном возрасте и страдая от хромоты, становился все менее подходящим для занятия этого места и выразил желание оставить его, но он не желал оставлять это без компенсации. Известие о предложении лорда Зуча дошло до герцога, и, по словам Бекингема, он увидел, как сильно может пострадать от этого королевская служба, так как между должностями лорда-адмирала и смотрителя пяти портов существовали давние разногласия: «1. Тогда как юрисдикция лорда-адмирала распространяется главным образом на малые моря, хранитель пяти портов имеет юрисдикцию адмирала на всем побережье от Шоу-Бэкона (Show-Beacon) в Эссексе до Рэд Нора (Red Nore) в Сассексе; и в этих пределах есть существенная разница между лордом-адмиралом и лордом-хранителем, так как юрисдикция лорда-хранителя распространяется в главном море только до нижней отметки (low-water-mark) и так далеко в море, как может заехать всадник с копьем; это вызывает вопросы между этими двумя главными должностями. 2. Существует множество постоянных различий в исполнении ордеров против нарушителей; должностные лица одной службы отказываются подчиняться или помогать

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1425.

лицам другой; тем самым нарушители, защищенные и поддерживаемые обоими, легко избегают наказания. 3. Купцы и владельцы товаров, которых допрашивают в адмиралтействе, часто вынуждены отвечать в обоих судах, а также вынуждены для своего спокойствия находить компромисс между этими инстанциями. 4. Королевская служба сильно затруднена; в самом обычном и привычном месте сбора королевских кораблей в Даунсе они находятся под юрисдикцией лорда-хранителя; лорд-адмирал и капитаны королевских кораблей не имеют права или основания ссылать людей на берег, если королевские корабли терпят бедствие»¹. В данном контексте подобные и другие положения звучат разумно, если не принимать во внимание, что подобное и намеренное разделение обязанностей призвано пресечь злоупотребление власти одним из лиц. В теории верное решение будет принято тогда, когда оба должностных лица, занимающие такие высокие посты, смогут прийти к единодушию. В том же случае, когда промедление может стоить жизни, а именно в условиях военного столкновения, командование флотом целиком находится в руках лорда-адмирала. Поэтому в данном случае аргументы стороны защиты выглядят надуманными. Но, как мы помним, обвинение заключалось не в том, что Бекингам занимал эту должность, а в том, что он ее купил. В этом случае защита настаивала, что именно лорд Зуч стремился продать свою должность и получить «компенсацию». Это обвинение было крайне удобным, так как проверить его к моменту процесса было уже нельзя - лорд Зуч скончался в 1625 году.

Относительно обвинения в плохой организации защиты морей от пиратов, секретарь записал следующее: «В прежние времена обычной охраной малых морей были только 4 корабля, герцог же, с тех пор как начались враждебные атаки и еще раньше, значительно увеличил их число; с июня 1624 года там никогда не бывало менее 5 королевских кораблей, а обычно 6, не считая шлюпок, купеческих кораблей и баркасов; а с началом открытой

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1427.

вражды – 8 королевских кораблей, не считая большого количества купцов, шлюпок и баркасов; и все они были хорошо оснащены и укомплектованы, соответствующим образом проинструктированы и наделены полномочиями для службы»¹. Четвертая и пятая статьи импичмента были наиболее слабыми местами обвинения, так как не предоставляли никаких доказательств, высказывая весьма субъективную точку зрения, и защита герцога дала убедительный и не вызывающий дальнейших вопросов ответ.

Что касается шестой статьи и Ост-Индской компании, показания Бекингема доказывают, что он не действовал самовольно; решение об изъятии суммы принадлежало парламенту и королю. Но остается вопрос с потерянными 10 тысячами. Согласно тексту защиты, «деньги, заплаченные герцогу, вся сумма (за исключением только 200 фунтов), была взята королем и употреблена на выплаты его собственным офицерам за службу во флоте»². Подобное утверждение больше похоже на правду, чем заявление мистера Гленвилла. Трудно представить, что столь большая сумма денег могла пройти незаметно мимо адмиралтейства и короля. Очевидно, что даже если получение их Бекингом и можно посчитать противозаконным, то поступление их в личное распоряжение герцога выглядит сомнительным.

Седьмая статья и восьмая статьи, касающиеся кораблей, переданных Франции, были блестяще разобраны еще в речи обвинения, что облегчало задачу защиты. Тем не менее, Бекингом предпочел сослаться на свою полную неосведомленность о том, что с договором существовали проблемы.

Девятая и десятая статья, подготовленные мистером Пимом, не могли похвастаться такой строгой аргументацией, поэтому были совершенно отвергнуты герцогом, как не имевшие место, а вот содержание одиннадцатой статьи было им полностью подтверждено, что, в прочем, не могло навлечь на него большой беды, так как не воспринималось всерьез даже самими

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1428.

² Ibid. P. 1433.

общинами. Двенадцатую статью также нельзя расценивать как обвинение в тяжком преступлении, поэтому Бекингом предпочел уйти от ответа.

По последнему и наиболее серьезному обвинению мы уже позволили себе раньше выдвинуть предположение. Что касается слов самого герцога, то «он не прикладывал и не доставлял пластыри или микстуру, которая в обвинении указана как зелье, Его величеству и не присутствовал, когда они впервые были взяты или применены; но правда такова, что Его величество, будучи больным от лихорадки, обратил внимание на недавнее выздоровление герцога от лихорадки и спросил его, как он поправился, и что, как он считает, сможет ему помочь? Герцог дал ему честный ответ, что человек, который является доктором графа Уорвика, дал ему пластырь и микстуру; а главной вещью, которая улучшила его состояние, была рвота; он надеялся, что король последует этому совету вначале болезни. Король очень захотел получить эти пластыри и микстуру; но герцог отказался; на что король нетерпеливо спросил, достанет ли он ему их или нет? И узнав из речей герцога, что он их не достанет, Его величество послал Джона Бейкера, слугу герцога, и своими устами приказал ему достать их; в это время герцог уверял Его величество не использовать их без совета его докторов или до того, как они будут испробованы на Джеймсе Палмере, его постельником, который был болен от лихорадки, и на двух детях в городе; на что король согласился. На этом решении герцог оставил Его величество и отправился в Лондон; и в это время, в его отсутствие, пластырь и микстура были принесены и применены по приказу Его величества. Когда герцог возвратился к Его величеству, тот как раз принимал микстуру и приказал герцогу дать ему ее, что он и сделал в присутствии некоторых докторов короля, которые не высказывали никакого неодобрения»¹. Подобные показания мало расходятся с нашим предположением, однако, по всей видимости, доля его участия в этом была

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... London, 1816. Vol. II. P. 1437.

еще меньше, так как герцог лично не передавал пластырь и микстуру королю, и не присутствовал при ее применении.

10 июня общины получили копию ответа Бекингема перед лордами и приступили к немедленному обсуждению. Тем не менее, это дело так никогда и не получило логического завершения.

Данный парламент был распущен всего через пять дней, 15 июня. В это время Англия находилась в крайне затруднительном положении. В результате заключения мирного договора между Францией и Испанией, распался англо-французский союз. Это событие в корне изменило вектор английской внешней политики. Теперь Англия посчитала своей главной задачей защиту гугенотов Ла-Рошели. Людовик, напротив, требовал от Карла полного выполнения условий брачного договора. Помимо этого, возник спор из-за французских кораблей, перевозящих испанские товары по английской территории. Все это были лишь поводы к началу крайне невыгодной для Англии войны сразу против двух держав – Германии и Франции¹ – ответственность за которую легла на плечи Бекингема, который взял на себя все приготовления для экспедиции к Ла-Рошели². Несмотря на то, что некоторые области отказались посылать своих рекрутов, к началу июня удалось снарядить флот из 100 кораблей, 6 тысяч солдат и некоторого количества лошадей³.

27 июня 1627 года Бекингом начал запланированную им кампанию против Франции, лично возглавляя флот. Тем временем в Англии Карл прилагал колоссальные усилия, чтобы вовремя доставлять продовольствие и снаряжение армии Бекингема. Поражение при осаде Сент-Мартен-де-Ре стало для Англии катастрофой, а авторитет Бекингема был окончательно подорван.

---

¹ Буров С.В. Фракции и политическая борьба при дворе Карла I Стюарта // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №7. С. 223-224.

² Thompson Mrs. The Life and Times of George Villiers Duke of Buckingham. 3 vols. London, 1860. Vol. 3. P. 44.

³ Shaw W.H. George Villiers, first Duke of Buckingham. Oxford, 1882. P. 71.

По возвращению герцог узнал о разоблаченном заговоре, целью которого было его убийство¹. Несмотря на это, Бекингем стоял на необходимости создания нового флота и повторной экспедиции. Для получения необходимой суммы был созван третий парламент.

Третий парламент был созван 17 марта 1628 года. Палата общин дала согласие на выделение короне 350 000 фунтов, но в ответ потребовала подписания документа, получившего название «Петиция о правах», который закреплял неприкосновенные права парламента². 6 июня петиция была подписана королем, и, возможно, удовлетворила бы притязания палаты общин в другое время, но не в сложившихся условиях. После решения этого ключевого вопроса, обезопасившего положение парламента, он поставил перед собой задачу во что бы то ни стало избавиться от герцога Бекингема³.

13 июня произошло событие, которое должно было сильно повлиять на герцога. Доктор Лэмб (Lambe), человек, близкий к Бекингему, был зверски убит ночью на улице Лондона группой преступников, заявивших, что готовы также поступить и с Бекингемом. Герцог попытался предпринять шаги, чтобы смягчить общественное мнение; он на время отложил свои военные планы и выдвинул предложение заменить себя лордом Бристолом на посту лорда-смотрителя пяти портов.

22 августа, очевидно, стараясь сбежать от гнетущей атмосферы Лондона, где все ждали его скорой смерти, Бекингем выехал в Портсмут, где случился первый инцидент - на него напали матросы, требовавшие немедленной выплаты жалования⁴. Следующим утром Бекингем был убит ударом ножа в грудь. Убийцей оказался Джон Фелтон, лейтенант, воевавший под началом Бекингема на острове Ре⁵. Совершив убийство, он мгновенно стал национальным героем. После его заключения в Тауэр королю присылали

---

¹ Shaw W.H. George Villiers, first Duke of Buckingham. Oxford, 1882. P. 75.

² Дюшен М. Герцог Бекингем. М., 2007. С. 285.

³ Гардинер С.Р. Пуритане и Стюарты. М., 2008. С. 53.

⁴ Shaw W.H. George Villiers, first Duke of Buckingham ... P. 78-79.

⁵ Thomson A.T. The Life and Times of George Villiers Duke of Buckingham ... P. 53.

сотни писем с просьбой помиловать Фелтона. Просьбы эти удовлетворены не были, и Фелтон был казнен 29 ноября, перед смертью раскаявшись в своем преступлении¹.

Итог дела герцога Бекингема явился показательным. Несмотря на то, что официальная точка в нем так и не была поставлена, нам видится символическим кровавое завершение импичмента, показавшее, что самоуверенность общин проистекала отнюдь не только из их личных амбиций, но и из уверенности, что они выступают от имени народа Англии, который и является, в конечном итоге, источником власти в королевстве.

---

¹ Shaw W.H. George Villiers, first Duke of Buckingham ... P. 80.

3.3. Дело Роджера Мэйнуоринга, королевского капеллана.

Как мы хорошо знаем, постоянным местом столкновения короля и палаты общин были налоги. Еще со времени принятия Хартии парламенту принадлежало священное право устанавливать новые налоги и выдавать ссуды королю, дабы не допустить произвола последнего. Тем не менее, в XVII веке это право стало своеобразным манифестом общин и возможностью активного давления на корону с целью лоббировать свои интересы. В 1628 году перед Карлом I об этом открыто заявил Роджер Мэйнуоринг, королевский капеллан. Согласно его словам, «те, кто отказываются платить заемы, оскорбляют божьи законы и королевский верховный авторитет и виновны в неповиновении, неверности и мятеже»¹.

Ответ общин не заставил себя ждать и был суров как никогда: епископу Мэйнуорингу было выдвинуто обвинение в извращении законов и свобод королевства с последующим импичментом. 23 июня 1629 года мистер Роуз зачитал обвинение против Мэйнуоринга: «1. Он потрудился внедрить в сознание Его величества убеждение, что его власть не ограничена законами, что король Яков, светлая ему память, назвал в своей речи парламенту тиранией, более того, тиранией вкупе с вероломством. 2. Он постарался склонить подданных к мысли, что их неподчинений незаконно; и он осудил их за неповиновение. <...> 5. Подводя итог, схожим образом с Фоксом и его пособниками, он хотел подорвать парламент и парламентские силы». Нетрудно заметить, что эти обвинения (не считая пропущенных двух, являвшихся раскрытием второго обвинения) касаются исключительно несогласия Мэйнуоринга с парламентом и никак не связаны с другими преступлениями. Более того, последнее обвинение ставит в один ряд осуждение деятельности парламента и попытки взорвать его! Именно это обвинение и легло в основу суда над Мэйнуорингом как преступление против

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 335.

королевства, таким образом окончательно закрепив гибель традиции отождествления королевства с короной в пользу отождествления страны с ее народом.

Декларацию общин на совместном заседании палат парламента представлял небезызвестный мистер Пим. В своей речи он отметил, что задача общин была проста, так как данные обвинения не требуют доказательств – свидетелей произнесения речей Мэйнуоринга было множество, да и сам он не отказывается от своих слов¹. Вместо этого мистер Пим ожидаемо произнес речь, возводящую традиции доброго управления короля и парламента еще к времени англосаксов и нормандского завоевания Британии, в который раз продемонстрировав блестящие навыки оратора и знание предмета.

11 июня перед парламентом предстал сам Роджер Мэйнуоринг, чтобы ознакомиться с обвинениями, выдвинутыми против него, а также дать своей ответ, в котором он заявил, что «никогда не имел мысли подвигнуть короля изменить фундаментальные законы королевства: его единственной целью было служить его величеству»². 12 июня общины дополнили свое обвинение, включив в него изданную Бэджером книгу «Религия и верность», составленную из двух речей Мэйнуоринга против парламента. На следующий день Роджер Мэйнуоринг зачитал перед парламентом свою речь, очень религиозную по своей сути, и сводящуюся к тому, что епископ не держал в мыслях обвинять в чем-либо общин, а лишь высказал свои мысли о божественной власти короля, закреплённой в Священном писании. Интересно, что выступивший после Мэйнуоринга архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот не поддержал своего епископа, а, напротив, назвал его речи богохульством, подтвердив, что считает его глубоко виновным³. После этого сторонников у Роджера Мэйнуоринга не осталось, и решение дело было за малым.

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 340.

² Ibid. P. 352.

³ Ibid. P. 354.

14 июня, всего спустя 3 дня после начала слушаний, Роджеру Мэйнуорингу был вынесен импичмент по обвинению в «преступлениях высшей природы»¹. Приговор был следующим: «1. Роджер Мэйнуоринг, доктор богословия, должен быть заключен в тюрьму, пока того не пожелает данная палата. 2. Он должен выплатить тысячу фунтов королю. 3. Он должен сделать признание и раскаяние в своих преступлениях, которое должны быть предоставлено комитету в письменном виде – здесь, у барьера, и в палате общин. 4. Он должен быть отстранен от своих должностей сроком на три года; <...> 5. Он должен быть навсегда лишен права проповедовать. 6. Он должен быть навсегда лишен права иметь духовный сан или занимать светскую должность. 7. Названная книга должны быть сожжена»². После зачитывания приговора доктор Мэйнуоринг был препровожден во Флитскую тюрьму.

Это странное дело подвело итог семилетней борьбе общин с королевскими привилегиями, осуществляемой ими посредством импичментов. Дело Роджера Мэйнуоринга наглядно продемонстрировало серьезные сдвиги, произошедшие в представлениях об измене, как о преступлениях против королевской власти. Несмотря на согласие с королем, Мэйнуоринг был обвинен в измене королевству, отождествленному с английским народом³, а формулировка «пока того не пожелает данная палата [общин]», сменившая традиционное «пока того не пожелает король», отражает нарушившийся баланс властей в королевстве.

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 356.

² Ibidem.

³ ориг. commonwealth.

Глава 4. Дело Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, 1640-1641 гг.

Последним крупным делом перед обрушившейся на Англию гражданской войной стал импичмент, вынесенный Томасу Уэнтворту (Thomas Wentworth), графу Страффорду. После трагической кончины герцога Бекингема граф Страффорд фактически занял его место подле Карла I, став его сторонником в борьбе с разрастающейся мощью парламента и последним препятствием на пути к тому, чтобы выдвинуть обвинение против самого короля.

Личность Томаса Уэнтворта и его импичмент, по сравнению с другими героями данного исследования, обладают самой обширной историографией, включающей в себя как работы биографического характера, так и исследования, посвященные его восприятию современниками и потомками¹.

Томас Уэнтворт, старший сын сэра Уильяма Уэнтворта, родился 13 апреля 1593 года в Лондоне. После окончания колледжа Св. Джона в Кембридже он получил рыцарское достоинство, а в 1614 году, после смерти отца, унаследовал его титул баронета². В ходе своей долгой карьеры в парламенте, где он представлял Йоркшир, Уэнтворт прошел долгий путь от ярого противника Бекингема и короля, до верного приверженца короны. Еще в начале своей службы короне Томас Уэнтворт нажил опасного врага в лице сэра Джона Сэвилла (Saville), который в 1624 году стал клиентом Бекингема³. После кончины своей первой супруги Маргарет, дочери Фрэнсиса Клиффорда, графа Камберленда, в 1622 году, Томас Уэнтворт связал себя узами брака с Арабеллой, дочерью Джона Холлса, графа Клэра, чья семья была известна своей оппозицией по отношению к Бекингему и королю⁴. Тем не менее, после

---

¹ см. Gardiner S.R. Thomas Wentworth, first Earl of Strafford. 1899; Wedgwood C.V. Thomas Wentworth, 1st Earl of Strafford. London, 1961; Ronald G. A. Thomas Wentworth, first earl of Strafford. Oxford, 2004.

² Jesse J.H. Memoirs of the court of England during the reign of the Stuarts, including protectorate. 4 vols. London, 1840. Vol. II. P. 349-350.

³ Ruigh R.E. The parliament of 1624. Politics and foreign policy. USA, 1971. P. 73.

⁴ Jesse J.H. Memoirs of the court of England ... P. 350.

убийства Бекингема в 1628 году, Томас Уэнтворт объявил о своей лояльности короне, которая была подкреплена дарованием ему титула виконта 10 декабря 1628 года и назначением на должность лорда-лейтенанта Йоркшира и лорда-президента Совета Севера (Council of the North) в 1629 году¹. В 1632 году, став лордом-управителем Ирландии, Уэнтворт отправился наводить порядок на Зеленый остров, используя жесткие, подчас деспотические меры². Его главной задачей стало расширить земли английской короны на территории Ирландии, освоить новые графства и потеснить католическое население в пользу прибывающих протестантов. Укрепление позиций Уэнтворта в Ирландии был как нельзя кстати в условиях разразившихся Епископских войн, и 12 января 1640 года виконт Уэнтворт стал бароном Рэби (Raby) и епископства Дарема, а также графом Страффордом³.

4 апреля 1931 года в старейшем в Британии непрерывно издающемся журнале «Зритель»⁴ была опубликована статья, посвященная Томасу Уэнтворту, озаглавленная «Тиран или молот?»⁵. В ней мы встречаем описание, которое наилучшим образом отражает изменение со временем восприятия личности Томаса Уэнтворта: «"Черный Том тиран" был прозван он лондонской толпой в 1641 году, обруган политическими и личными врагами, а его казнь после лишения прав была провозглашена триумфом свободы. Тем не менее нельзя отрицать, что этот ненавидимый человек обладал всеми качествами, которые мы привыкли считать типично английскими – он был преданным и храбрым, он был честным и неподкупным, он был прекрасным организатором и горел жаждой справедливости – и для богатых, и для бедных»⁶. Современники Страффорда не разделяли этого мнения. Для палаты

---

¹ Jesse J.H. *Memoirs of the court of England ...* P. 354.

² Буров С.В. Фракции и политическая борьба при дворе Карла I Стюарта // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №7. С. 227.

³ Jesse J.H. *Memoirs of the court of England ...* P. 356.

⁴ Журнал «Зритель» ('The Spectator') начал издаваться в 1828 году и не имеет отношения к одноименному широко известному сатирическому журналу Стила и Аддисона, выходившему с 1711 по 1712 гг.

⁵ Hawke E.G. 'Tyrant or Martyr?' // *The Spectator*. 1931. № 5,362.

⁶ Hawke E.G. 'Tyrant or Martyr?' // *The Spectator*. 1931. № 5,362. P. 21.

общин он был последним опасным противником в парламенте, которого следовало устранить любым способом.

Слушание по делу об импичменте Страффорда началось 11 ноября 1640 года. С обвинительной речью к парламенту обратился знакомый нам мистер Джон Пим: «Мои лорды; рыцари, жители и горожане, представляющие в парламенте общины, получили информацию о разных предательских замыслах и делах великого пэра этой палаты; и, говоря здесь от их лица, от имени общин, представленных в парламенте, и от имени общин Англии, я обвиняю Томаса графа Страффорда, лорда-лейтенанта Ирландии, в измене. И они приказали мне также просить ваши лордства изгнать его из парламента, а затем заключить в тюрьму. Они также приказали мне дать знать вашим лордствам, что они, через несколько дней, предоставят вашим лордствам статьи и основания для его обвинения»¹. Лорды дали уклончивый ответ: «Лорды дают им знать, что они ознакомились с обвинением в измене, которое общины выдвинули против графа Страффорда; и их лордства не сомневаются, что общины проведут тщательное расследование, прежде чем продвинуться дальше; и их лордства примут его во внимание, и пошлют ответ со своим посланником»². На время разбирательства и подготовки статей об импичменте Страффорд был отослан из парламента, а общинам было приказано поторопиться с актом обвинения.

Полные статьи об импичменте были подготовлены и зачитаны общинами на совместном заседании парламента, имевшем место 25 ноября. Обвинение было выдвинуто по двадцати восьми пунктам; зачастую, оно сводилось к обвинению Страффорда в злоупотреблении полномочиями на посту лорда-управителя Ирландией (3, 5, 11 и 15 пункты импичмента), незаконному обложению налогами (10–14 пункты) и изъятию земель у ирландских пэров (6, 7, 8 пункты). Приведем для примера некоторые из них: «3. <...> названный граф, будучи лордом-управителем этих земель

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1382-1383.

² Ibid. P. 1383-1384.

[Ирландии], чтобы обратить вассалов этого королевства против правительства Его величества <...> в тридцатый день сентября 9-го года правления Его нынешнего величества, в городе Дублин (главном городе этих земель, где обычно заседает частный совет Его величества и присяжные судьи и куда за судом обращаются знать и джентри этих земель), в публичной речи, перед разными представителями знати и джентри королевства, перед мэром, олдерменом и секретарем, многими горожанами Дублина и другими вассалами Его величества заявил и провозгласил, что Ирландия – завоеванная нация, и что король может делать с ними, что пожелает. <...> 5. <...> названный граф Страффорд, 12 декабря 1635 года, во время полного мира, в названных землях Ирландии инициировал и выдвинул против лорда Маунтнорриса (Mountnorris) (тогда пэра названных земель Ирландии, вице-канцлера и генерального казначея земель Ирландии, военного казначея, одного из главных рекордеров королевства и хранителя частной печати королевства) смертный приговор в Военном совете, созванном названным графом Страффордом, без какого-либо ордера, закона или обвинения в преступлении, заслуживающем подобного наказания. <...> 8. Названный граф Страффорд, на основании петиции сэра Джона Гиффорда, рыцаря, в первый день февраля в названный 13-й год правления Его величества, без правового процесса, издал указ или ордер против Адама Лофтуса, виконта Лофтуса, маркиза Или (Loftus of Ely), пэра названных земель Ирландии; названный виконт был заключен в тюрьму и находился в тюрьме под предлогом неповиновения данному указу или ордеру. <...> И названный граф подобным образом заключил в тюрьму многих подданных Его величества под предлогом неповиновения его ордерам, декретам и другим незаконным приказам <...> 12. Названный граф Страффорд, будучи лордом-управителем Ирландии, на девятый день января 13-го года правления Его величества, под предлогом контроля над ввозом табака в названные земли Ирландии, издал прокламацию от имени Его величества, запрещающую ввоз табака без лицензии, выданной им или его здешним советом, начиная с 1 мая 1638. <...> и если любой корабль

привозил табак в местный порт, названный граф и его агенты скупали его для собственных нужд, по своей цене; а если владельцы отказывались отдать его по низкой цене, то им запрещалось сбывать его здесь. Подобными мерами названный граф захватил в свои руки всю торговлю табаком, продавая его по завышенным и непомерным ценам для личного обогащения. <...> 17. Названный граф, с помощью вышеперечисленных мер извратив правительство и законы королевства Ирландии, в марте на 16-м году правления Его величества, вызвав скандал в правительствах всех королевств Его величества и дабы продолжить исполнение своих злостных планов, говоря об ирландской армии, провозгласил, что Его величество был так доволен армией Ирландии и результатами в целом, что Его величество определено введет такой же порядок в других трех королевствах. <...> 19. <...> названный граф, в мае на 15-м году правления Его величества, по своей собственной воле придумал и создал новую и необычную клятву; <...> произносящий эту клятву обещал, что он не будет выступать против любых приказов Его величества и отдает себя в полное его распоряжение. Данную клятву он изобрел, чтобы применять ее к шотландцам, населяющим Ирландию, и из ненависти к данной нации, чтобы усугубить ее недовольство Его величеством и его правительством здесь и чтобы принудить разных подданных Его величества приносить названную клятву против их воли, а тех, кто отказывается приносить ее, жестоко наказывать и заключать в тюрьму, а некоторых уничтожать или высылать. <...> 24. В названный месяц май он, названный граф, ложно, предательски и злостно сообщил и провозгласил перед другими в частном совете Его величества, что, раз парламент Англии покинул короля и отказался снабжать его, он должен разыскать другие пути снабжения. И еще несколько раз он злостно, безобразно и ложно сообщал и провозглашал, что, раз парламент отказывается снабжать Его величество обычным и привычным путем, король может воспользоваться для королевства такими способами, какими пожелает; и что его не должно ограничивать упрямство и бездействие его людей. <...> 27. В августе или около того, он был назначен лейтенант-генералом всех сил

Его величества на севере, подготовленных против скоттов; и, будучи в Йорке в сентябре, он по своей собственной воле, без какого-либо законного основания, обложил налогом подданных Его величества в Йорке в размере 8 пенсов в день на содержания каждого ополченца из данных земель, который взимался силой. <...> 28. В сентябре и октябре названный граф был извещен, что шотландская армия вошла в королевство, и он, названный граф, будучи лейтенант-генералом армии Его величества, не обеспечил никакой защиты городу Ньюкасл, как должен был, и уступил его, чтобы вызвать больше ненависти у англичан к скоттам»¹.

На что важно обратить внимание в этих статьях, так это на то, как изменился их вектор. Если раньше обвинения в измене были неразрывно связаны с преступлениями против короля, посягательством на его прерогативы или поступками, бросающими тень на его личность, то теперь основаниями для обвинения Томаса Уэнтворта в измене становятся преступления против «подданных Его величества», «пэров и джентри», «горожан и всех жителей королевства», а обвинение, выдвинутое в 24 статье, и вовсе делает короля марионеткой в руках частного совета.

Одно обвинение выбивается из ряда остальных и затрагивает личность другого знатного человека – Ричарда графа Корка, поэтому на нем мы остановимся подробнее. В четвертой статье импичмента говорится: «Ричард граф Корк выхлопотал расследование по закону для своего восстановления в прежних должностях, от которых он был освобожден приказом, изданным названным графом Страффордом, и совет земель Ирландии, при помощи бумажной петиции и без законных оснований, в двадцатый день февраля на 11-м году правления Его величества, запугивал названного графа (который являлся пэром этих земель) заключением в тюрьму, если он не отзовет свое ходатайство»².

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1387-1400.

² Ibid. P. 1359.

Конфликт между Ричардом Бойлем, графом Корком, и Томасом Уэнтвортом, назначенным лордом-управителем Ирландии, был неизбежен с самого начала. Корк являлся самой процветающей протестантской областью в Ирландии, и личные интересы графа Корка шли вразрез с планами нового лорда-управителя, начавшего активно проводить свою политику «thorough»¹, направленную на укрепление абсолютной монархии в Англии². Тем не менее граф Корк был достаточно умен, чтобы не высказывать своего недовольства до определенного момента. Ричард Бойль возвратился в Англию осенью 1638 года, всячески восхваляя ирландские порядки, чем обескуражил оппонентов Уэнтворта и приятно удивил его сторонников. Так, 21 ноября архиепископ Лауд³ написал Уэнтворту: «то, как благоразумно и благородно старый человек отзывается о вашем лордстве, стало для меня приятной новостью, хотя и изрядно неожиданной»⁴. Такой поступок не только расположил короля и парламент к Корку, но и наложил определенную ответственность на Уэнтворта, который должен был отреагировать соответственно. Уэнтворт отнесся с подозрением к перемене взглядов Бойля, но время шло, а Корк продолжал также ярко высказывать свое расположение Уэнтворту, попутно стараясь уладить вопросы, приведшие к их конфликту. В условиях начавшейся первой Епископской войны Уэнтворту был как нельзя кстати такой властный союзник, как Корк, поэтому он пошел графу навстречу в вопросе о колледже Йола (Youghal) в Корке, а тот, за счет собственных средств, собрал войско против скоттов⁵.

Как нам известно, в 1640 году Уэнтворт стал графом Страффордом, лордом-лейтенантом Ирландии и лейтенант-генералом армии. Корк

---

¹ от прил. «тщательный, основательный».

² Little P. The earl of Cork and the fall of the earl of Strafford, 1638-41 // The Historical Journal. 1996. № 39 (3). P. 620.

³ Parry M. Bishop William Laud and the parliament of 1626 // Historical Research. 2015. Vol. 88 № 240. P. 231.

⁴ цит. по: Little P. The earl of Cork and the fall of the earl of Strafford, 1638-41/ Little P. // The Historical Journal. -1996. - № 39 (3). P. 621.

⁵ Ibid. P. 622-623.

поддержал эти назначения, надеясь получить в свое распоряжение земли в Уотерфорде (Waterford) и обезопасить свои плантации в Коннахте (Connaught) от посягательств лорда Ламбрета¹. Расчет Корка не удался: его влияние в Ирландии было подорвано возросшей мощью Страффорда, который стал самым влиятельным человеком не только на Зеленом острове, но и, не без поддержки Корка в парламенте, во всей Англии.

Поражение английской армии в Епископских войнах и издание петиции двенадцати пэров заставило графа Корка пересмотреть свои прошлые альянсы. Инициатива окончательно перешла от короля в руки палаты общин, и граф Корк хотел оказаться в этой борьбе на стороне победителя, что и подвигло его присоединиться к обвинению против графа Страффорда, впрочем, не желая терять старые контакты при дворе, Корк позаботился, чтобы его имя также не ассоциировалось с наиболее яростными участниками обвинения: Бедфордом и Пимом. Участие Корка свелось к трем вещам: 23 декабря 1640 года он был вызван в качестве свидетеля, подтвердив злоупотребления Уэнтворта в Ирландии, 24 февраля 1641 года он присутствовал на зачитывании обвинения и ответе Страффорда, а с 22 марта по 7 апреля участвовал в обсуждении статей импичмента².

Личность графа Корка является для переломного периода в истории Англии не менее показательной, чем личность графа Страффорда. Ричарда Бойля долго рассматривали как интригана, оборачивавшего любую ситуацию в свою пользу и умело жонглировавшего альянсами, но теперь мы можем взглянуть на него и как на человека, оказавшейся в безвыходной ситуации и цепляющегося за любую возможность сохранить свои земли и привилегии в условиях стремительно меняющегося мира вокруг. С этой точки зрения и противостояние с Уэнтвортом в 1630-е годы, и его последующие попытки найти примирение для того, чтобы защитить и расширить свои владения в

---

¹ Little P. The earl of Cork and the fall of the earl of Strafford, 1638-41 ... P. 625.

² Ibid. P. 629.

Ирландии, и поворот в сторону обвинения выглядят логичными и отвечающими целям человека, оказавшегося между старой и новой властью.

В своем ответе на статьи обвинения Томас Уэнтворт был краток и конкретен, а его защита основывалась на том, что Англия и Ирландия сильно разнятся по своим укладам и традициям, поэтому управлять Ирландией в соответствии с законами Англии невозможно, но он, по мере своих сил, старался привести местное управление в порядок, превыше всего ставя интересы Англии¹. Мы в свою очередь должны заметить, что тут Уэнтворт не погрешил против истины и, несмотря на то, что применяемые им меры зачастую носили характер суровый и беспощадный, все они способствовали укреплению армии и бюджета английской короны. Также против корысти Уэнтворта свидетельствует тот факт, что ни одна из двадцати восьми статей импичмента не была посвящена взяточничеству – самому распространенному преступлению среди лордов.

Слушание по делу Страффорда началось 22 марта в Центральном зале Вестминстера в присутствии короля, для которого по этому случаю был поставлен трон, и продолжалось, с перерывами, вплоть до 8 мая, когда лордам была передана петиция общин с 26 голосами против Уэнтворта из 45. Вот что говорит нам источник о начале суда: «Утром в понедельник около семи часов он был вывезен из Тауэра в сопровождении шести барок, в которых находилось 100 солдат Тауэра, все с алебардами для его охраны, и 50 парами весел. Когда он сошел на землю в Вестминстере, его встретили 200 ополченцев, и под их охраной он прошел в зал. Подходы к Уайтхоллу, Кинг-стрит и Вестминстеру охранялись констеблями и стражами с четырех часов утра, чтобы держать подальше всех случайных и праздных людей»². В этот день был заслушан только импичмент мистера Пима, а когда Страффорд

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1403-1404.

² Ibid. P. 1414.

покидал Вестминстер, «толпа людей не была большой или беспокойной; все они приветствовали его, а он их, с большой скромностью и достоинством»¹.

Обсуждение всех статей импичмента заняло много времени и было завершено только к 12 апреля. 13 апреля Томас Уэнтворт должен был дать свой окончательный ответ по всем статьям обвинения, после чего парламенту следовало вынести ему приговор. Свою заключительную речь он начал словами: «Мои лорды; в этот день я стою перед вами, обвиненный в измене; ее груз тяжел, но еще тяжелее то, что на ней настаивает палата общин; <...> но ни моя слабость не доказывает моей невиновности, ни их сила – моей вины»². Примечательно, что палата общин не обвиняла Страффорда в измене королю; она обвиняла его в «двойной измене: одной против статута³ и другой против общего права»⁴. Подобную формулировку в статьях импичмента мы встречаем впервые, и она указывает на окончательный отрыв от традиции олицетворения короля как страны и права. Далее Страффорд заявляет: «Здесь меня обвиняют в замысле разрушения и подрывания основ одновременно религии и королевства. Очевидно, первое было добавлено, чтобы выставить меня в плохом свете, нежели обвинить в чем-то, так как ни малейшего доказательства, указывающего на мою приверженность фракции папистов, не было предоставлено, да и такого и нет; и никакой другой слуга короля нашего господина не был так ненавидим этими людьми, как я, за непредвзятые и суровые законы против них»⁵. В завершение речи Страффорд добавил: «Я благодарю Бога за то, что по милости моего хозяина и благодаря предусмотрительности моих предков, у меня есть земля, <...>; я никогда не желал, чтобы карты были перетасованы снова, даже если бы мне выпал лучший расклад; также я никогда не лелеял корыстных мыслей стать пособником тирании или более значимым человеком, чем я являюсь. Нет, я

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1417.

² Ibid. P. 1462.

³ имеется ввиду Акт об измене 1352 года.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. P. 1463-1464.

всегда был и буду нацелен на честную, но ограниченную свободу, помня, что я – свободный человек, но надо мной есть закон; что у меня есть право, но оно ограничено монархом»¹.

Речь Страффорда подняла дух лордов и его сторонников в парламенте, и вынудила палату общин искать обходные пути для обвинения графа. Так как его невозможно было осудить на основании Акта об измене 1352 года в силу того, что ни одно обвинение не отсылалось к перечисленным в статуте преступлениям, общины решили вынести Страффорду билль о лишении на основании пресловутой оговорки, согласно которой, как мы помним, «король и парламент обладают властью решать, что является изменой, а что нет»². Подобная уловка не получила полной поддержки даже среди общин (Селден, Холборн и Бриджмен проголосовали против), но единогласное решение не являлось необходимым, и билль был принят. Тем не менее легитимной властью этот билль не обладал: в истории Англии не была прецедента, чтобы общины выносили решение о смерти пэру. 18 апреля лорды, как и следовало ожидать, дали общинам ответ, что приговор будут выносить их судьи, и только они могут судить о виновности лорда-лейтенанта³. Решение, вынесенное лордами на следующий день, к неудовольствию общин, прозвучало следующим образом: «Процессы против Норфолка и Эссекса <...> были инициированы прямыми и формальными обвинениями в измене, заключавшимися в одном или двух актах; но обвинение против Страффорда произвольно и собрано из 28 статей, и проанализировать их во всей полноте, чтобы вынести обвинительный приговор, попросту невозможно. И те пэры обвинялись в соответствии формальными статьями статута, а в этом случае следует издать новый статут, чтобы подтвердить его виновность»⁴.

20 апреля в Вестминстере состоялось очередное заседание суда пэров, на котором с речами выступили мистер Лейн, атторней принца, мистер

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1465.

² Ibid. P. 1469.

³ Ibid. P. 1470.

⁴ Ibid. P. 1471.

Гардинер, рекордер Лондона, мистер Ло и мистер Лайтфут. Все они отсылались к тому, что ни один из пунктов статута или прецедентов общего права не имеет отношения к делу графа Страффорда, которого можно было бы обвинить в тяжком преступлении, но никак не в измене¹. 2 мая речь держал только мистер Джон, королевский солиситор. Его задачей было проанализировать все случаи принятия билля о лишении, чтобы лорды могли судить, правомочно ли использовать его в этом случае. На следующий день перед судом свой ответ дал король Карл. Он отметил, что «во-первых, никогда не было такого проекта, и он никогда не получал от лорда Страффорда совета переправить ирландскую армию в Англию; это самое большое заблуждение в лейтенанте, которое в немалой степени отражается и на нем (короле), якобы он собирался начать войну против своих собственных земель, о чем он (как он сказал) никогда не помышлял, и ни один человек не может думать так низко о нем - том, кто так благосклонно относится к своим землям повсюду, даже к тем, кто этого не заслуживает. Во-вторых, лейтенант никогда не советовал ему установить царство произвола; если бы он так сделал, то не избежал бы заслуженного наказания, и никто из его добрых подданных не может помыслить иначе, только если не держит его за дурака или тирана; и он не мог и никогда не будет рассматривать такую нелепость. Он хорошо осведомлен, сказал он, о той силе и власти, которую Бог вложил в его руки; и он никогда не считал себя в праве вмешиваться в процветание своих земель»². Эта речь демонстрирует нам, что король посчитал обвинения Страффорда косвенными обвинениями против себя. В действительности же, нам видится, общины не думали целиться в монарха – его авторитет на тот момент попросту не принимался в расчет. Если бы было иначе, слова короля о том, что «по его мнению и собственному убеждению, <...> в деле лейтенанта нет ничего, что заслуживало бы обвинения в измене»³, должны были бы стать окончанием

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1472-1476.

² Ibid. P. 1513.

³ Ibidem.

любого разбирательства по этому вопросу, так как именно монарх всегда обладал высшим правом, проистекающим еще из германской традиции, судить за измену. Тем не менее, несмотря на мнение короля, на следующий день, в 8 мая, 26 лордов из 45 проголосовали против лорда Страффорда¹.

9 мая датируется письмо графа Страффорда королю. В нем он выразил сожаление, что его действия привели к раздору между королем и парламентом, и призвал короля не винить себя за принятие билля. Закончил письмо он следующей просьбой: «милостью Божьей, я прощаю весь мир со спокойствием и смирением бесконечного довольства моей измученной души; поэтому, сэр, я могу отдать свою жизнь со всей возможной радостью, зная о ваших бесконечных милостях, и молю только, чтобы ваше превосходительство обратило свою благодарность на моего бедного сына и его трех сестер»². О подлинности этого письма возникали споры. Так, Дэвид Юм в «Истории Великобритании под властью дома Стюартов» указывает, что «Мистер Карт, в своей «Жизни герцога Ормонда» представляет нам некоторые доказательства, что это письмо было подделкой известных лидеров, сделанной для того, чтобы убедить короля принести в жертву Страффорда. Он говорит нам, что Страффорд сказал так сыну в ночь перед казнью»³. Указание на это действительно есть в работе Томаса Карта, но вместо 9 мая он пишет, что «письмо, датированное из Тауэра, 4 мая, 1641, было доставлено его величеству от имени графа Страффорда»⁴. Наличие этого письма не вызывает сомнения, так как о нем писал и лорд Кларендон, считавший, что его автором является Страффорд. По мнению Карта, «авторство графа справедливо поставить под вопрос; не только потому, что сам этот поступок настолько невероятен, что выглядит даже романтичным, или потому, что он был слишком мудрым человеком, чтобы не предусмотреть фатальных последствий <...>; но также

---

¹ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1514.

² Ibid. P. 1517.

³ Hume D. The History of Great Britain, under the House of Stuart. 2 Vols. London, 1759. Vol. I. P. 273.

⁴ Carte Th. The Life of James Duke of Ormond. 6 vols. Oxford, 1851. Vol. I. P. 274.

потому, что это никак не вяжется ни с изумлением, которое вызвало у него сообщение Кларендона о том, что король подписал билль, ни с его восклицанием по этому поводу: “Вот и доверяй свою жизнь принцам”»¹. В этом случае непонятным становится то, почему сын Страффорда, о котором король, действительно, продолжил заботиться, ничего не рассказал о заговоре монарху. Также трудно объяснить и то, что в работе сэра Джорджа Рэдклиффа «Сочинение о жизни моего лорда Страффорда»², который был близким другом Томаса Уэнтворта, о заговоре нет ни слова. Тем не менее, было ли это подлогом или мужественным поступком лорда, неизменным остается одно: ни король, ни лорды не могли противостоять воли общин.

В тот же день был обнародован билль о лишении, в котором «общины Англии объявляли импичмент Томасу графу Страффорду за измену, [выражавшуюся] в попытке извратить древние и фундаментальные законы и правительства королевств Англии и Ирландии, установить царство произвола и тирании против закона в этих королевствах, захватить чрезвычайную и тираническую власть, вопреки законам этих королевств, посягнуть на свободу, поместья и жизни подданных Его величества»³. В ответ на билль король Карл написал лордам письмо, в котором выразил желание «обречь этого несчастного человека оставаться до конца своих дней в заключении <...> P.S. Если он должен умереть, милостью будет дать ему отсрочку до субботы»⁴.

Ни одно из пожеланий короля учтено не было. На следующий день, 12 мая, граф Страффорд вышел из своей камеры и направился к Тауэрскому холму, где был установлен эшафот. По дороге он остановился у окон архиепископа Лауда и попросил того молиться о нем, но архиепископ зарыдал. По одной из версий Лауд произнес ему свое благословление, а потом упал в руки стражников⁵. По другой – он был не в силах что-либо сказать от

---

¹ Carte Th. The Life of James Duke of Ormond ... P. 275.

² «An essay towards the life of my Lord Strafford».

³ Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1518.

⁴ Ibid. P. 1521.

⁵ Hume D., Smollet. History of England. Hartford, 1827. P. 293.

нахлынувших чувств¹. Однако все источники сходятся на том, что сам Страффорд не потерял самообладания и, покорный своей судьбе, поднялся на эшафот, чтобы произнести речь. В ней выразил покорность воли парламента, который является «самым счастливым способом управления, которое может быть в королевстве и у народа»², но заявил, что в своем сердце не видит за собой вины, из-за которой был осужден на смерть, но идет на нее по своей воле, а не по принуждению. Перед тем, как начать молитву, Страффорд произнес: «Я желаю, чтобы вы в молчании присоединились к мне в молитве, и я верю, что Божьей волей мы все встретимся и будем вечно жить в раю, где познаем всю полноту счастья; где каждая слеза будет утерта с наших глаз, а каждая печальная мысль исчезнет из наших сердец. Да благословит Бог это королевство, и да смилостивится Иисус над моей душой»³. После молитвы он обратился к своему брату, сэру Джорджу Уэнтворту, и попросил его передать наставления для его сына и дочерей. Вслед за этим на эшафот был позван палач, которому Страффорд, по традиции, дал свое прощение, после чего была совершена казнь. Тело Томаса Уэнтворта было перевезено в Йоркшир и захоронено вместе с телами его предков⁴.

Казнь графа Страффорда, как и его обвинение, было делом исключительно политическим. Его устранение стало важным шагом на пути обретения общинами всей полноты судебной власти, а его импичмент – полной победой нижней палаты. Король, пожертвовавший своим лордом ради мира в королевстве, сам того не подозревая, своей уступчивостью уничтожил последнее препятствие на пути к открытому вооруженному столкновению и, еще в 1641 году, подписывая билль о лишении для графа Страффорда, подписал себе смертный приговор.

---

¹ Ranke L. A history of England in the seventeenth century. 6 vols. Oxford, 1875. Vol. II. P. 270-271.

² Howell T.B. A complete collection of State trials ... Vol. III. P. 1522.

³ Ibid. P. 1523.

⁴ Ibid. P. 1524-1525.

Заключение

Импичменты 1621-41 гг. являлись, на первый взгляд, явлением экстраординарным и противоречащим сложившейся в английской правовой практике традиции осуждения и наказания за измену королю. Импичменты XVII века отличались по своему содержанию, в значительной мере утратив «частную» составляющую преступления, доставшуюся им в наследство от варварского права. Будучи по своей природе продуктом синтеза римских, германских и христианских традиций, импичменты продолжали развиваться и претерпевать изменения на протяжении всех средних веков, обрстая дополнительными смыслами. К XVII веку на первый план снова вышла категория верности, но, в отличие от германского *fidelitas*, в реалиях Раннего Нового времени верность рассматривалась уже в терминах гражданственности и преданности стране, которая означала корону, но не была тождественна личности короля.

Импичменты XVII века как явление парламентской культуры имели обширное правовое основание, которое включало в себя соответствующие акты, которые дополняли до сих пор применяющийся в английской судебной практике Акт об измене 1352 года. Несмотря на достаточно позднее формальное закрепление, традиция импичмента восходит к древним германским законам и ее истоки можно проследить в правдах англо-саксонских королей.

Немаловажно и влияние Великой Хартии вольностей на складывание представлений об импичменте. Привнесенные ею в правовое поле идеи корпорации всех свободных людей и взаимных обязательств правителя и подданных нашли свое новое рождение в XVII веке. Взятая на вооружение палатой общин практика импичмента должна была служить своеобразной манифестацией ее силы, направленной на присвоение судебных полномочий в королевстве. Новая система власти, к которой стремились общины, должна была сделать английский народ носителем суверенной власти, а короля – его

поданным. Импичменты, с одной стороны как средство ненасильственной парламентской борьбы, с другой – как радикальное средство демонстрации силы, как нельзя лучше отвечали потребностям палаты общин: в течение 1621-41 гг. они продолжали рассматриваться Стюартами как частные правовые прецеденты, в то время как по сути они относились к явлениям политической и парламентской культуры, далеко выходящим за рамки судебных процессов.

Первыми импичментами данного периода стали так называемые малые импичменты 1621 года. Они включают в себя импичмент Фрэнсису Бэкону, лорду Веруламу и лорду-канцлеру Англии, доктору Филду, епископу Лландавскому, сэру Джайлсу Момпессону и сэру Фрэнсису Мичеллу, импичменты Генри Илвертону, королевскому атторнею, сэру Джону Беннету, судье привилегированного суда архиепископа Кентерберийского, и Эдварду Флойду. Помимо весьма необычного дела Эдварда Флойда, который был осужден за оскорбление дочери короля, остальные дела распадаются на две группы: обвинения во взяточничестве и обвинения в незаконной продаже монопольных патентов.

Взяточничество было распространенной практикой при дворе и, как правило, само не становилось поводом для судебного разбирательства, присовокупляясь к списку преступлений лишь для придания ему большей весомости (как это было в случае с герцогом Бекингемом и графом Страффордом). Тем не менее в данном случае для Фрэнсиса Бэкона, доктора Филда и сэра Беннета коррупция стала достаточным основанием для обвинения в измене. По всей видимости, такой выбор общин, инициировавших все импичменты этой группы, объясняется тем, что подобные преступления не требуют основательной доказательной базы, так как данное преступление всегда лежит на поверхности и может быть подтверждено большим количеством свидетелей. Такую точку зрения подтверждает и легкость, с которой Фрэнсис Бэкон признал свою вину, а сэр Беннет фактически отказался от защиты, сославшись на плохую память. Успехом для общин увенчался только импичмент Фрэнсиса Бэкона,

осужденного за измену и лишенного всех титулов и должностей. Доктор Филд так никогда и не ответил за свои преступления, будучи подотчетен суду архиепископа, который предпочел скрыть это дело, а сэр Беннет скончался до вынесения приговора.

Вторая группа импичментов – дела о монополиях – также обладала своими особенностями. Несмотря на то, что обвиняемые Генри Илвертон, сэр Момпессон и сэр Мичелл не являлись особами, приближенными к королю, специфика их занятия затрагивала его в большей степени, чем дела о взяточничестве. Вопросы раздачи патентов напрямую относились к юрисдикции короны, и тот факт, что за спиной короля происходили всяческие злоупотребления, бросал тень на его компетентность в этом вопросе. В связи с этим в этих делах корона (а также Бекингем) приняла самое деятельное участие; не в последнюю очередь чтобы продемонстрировать свое рвение, она сама инициировала импичмент Генри Илвертону. Эти дела стали первым открытым манифестом парламента, взявшего курс на последовательное наступление на судебную власть короля.

Помимо малых импичментов, во второй главе также рассматриваются импичменты 1624 года, вынесенные графу Миддлсексу, епископу Харснету и доктору Аньяну.

Импичмент Лайонелу Кранфилду, графу Миддлсексу и лорду-казначее Англии, является переходным между импичментами 1621 года и импичментами, инициированными после 1625 года, но, по своему характеру и сути обвинения, он больше тяготеет к первым. Данный импичмент, как и в случае с делом Бэкона, опирается на обвинение во взяточничестве. Это обвинение, учитывая специфику занимаемой Миддлсексом должности, выглядит обоснованным, тем не менее однозначных доказательств у парламента не нашлось. Впрочем, это не помешало палате общин занять крайне радикальную позицию, что привело к первому серьезному столкновению между общинами и лордами. После вынесения импичмента графу Миддлсексу, общины призвали его к ответу, что, как мы знаем, является

нарушением права пэра на суд равных, на что палата лордов не замедлила им указать. Несмотря на общие черты с импичментом Бэкона трехлетней давности, в 1624 году общины уже не искали во всем поддержки палаты лордов и готовы были действовать в одиночку. К счастью для них, в ряде обвинений, выдвинутых против Миддлсекса, нашлось одно, которое, хоть оно и не упоминалось в оригинальном Акте об измене 1352 года, однозначно признавалось средневековыми юристами изменой – подделка печати. Несмотря на то, что король лично вступился за своего казначея, назвав его «более всего подходящим для его места»¹, парламент признал графа Миддлсекса виновным. Это дело поставило в двоякое положение палату лордов, решившую пренебречь мнением своего патрона. С одной стороны, лорды не желали терпеть наступление на свои привилегии со стороны общин, но с другой – были открыто настроены против короля, чья власть и решения в 1624 году ассоциировались только с именем его фаворита Бекингема.

Другие два импичмента, как и в 1621 году, логического завершения не получили. Импичмент, вынесенный доктору Томасу Аньяну по обвинению в продаже патентов, обрывается на середине, и дальнейших сведений о нем у нас нет. Импичмент Сэмюэлу Харснету, епископу Норвича, как и в случае с доктором Филдом, был прерван архиепископом Кентерберийским, даже несмотря на то, что против него выступал сам принц Карл. Архиепископский суд не стал заниматься этим делом, а доктор Филд сделал в дальнейшем неплохую церковную карьеру.

Импичменты 1625-28 гг., рассматриваемые в третьей главе, принадлежат уже времени нового короля – Карла I, ни обладавшего ни авторитетом, ни силой духа своего предшественника. Его мнение мало учитывалось не только в палате общин, но и среди лордов, считавших (надо признать, не без основания) что после смерти короля Якова все рычаги управления перешли не к его сыну, а к бессменному фавориту Джорджу

---

¹ Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials ... Vol. II. P. 1219.

Вилльерсу. В связи с этим, неудивительно, что главный импичмент этого периода был выдвинут именно против герцога Бекингема. Ему предшествовал инициированный общинами в 1625 году импичмент Ричарду Монтегю, канонику Виндзора и капеллану Его величества, за книгу «Воззвание к Цезарю».

«Воззвание к Цезарю» являлось религиозно-философским трактатом, написанным для широко круга читателей с целью объяснить простым языком некоторые из церковных догматов. Несмотря на достаточно безобидное на сегодняшний взгляд содержание, палата общин усмотрела в ней серьезные расхождения с каноническими христианскими текстами, принятыми англиканством. По примеру предшествовавших импичментов, выносимых духовным лицам, следовало ожидать, что Монтегю с легкостью избежит преследования, но на этот раз архиепископ Кентерберийский отказался от своей нейтральной (и стоящей над системой власти) позиции и создал коалицию с палатой общин. Союз этот был хоть и обоюдным, но отнюдь не равным. Архиепископ оказывал поддержку общинам и своим авторитетом лоббировал их решения, но жестко пресекал любое посягательство палаты на свои привилегии. Подобное решение архиепископа вполне объяснимо: несмотря на то, что король утратил авторитет в глазах народа, общин и лордов, консервативный епископат по-прежнему видел в нем символ единства и главу истинной церкви. Союз архиепископа с палатой общин усиливал раскол в кругу духовенства, но давал англиканству шанс пережить бурю, став символом новой, народной церкви.

В противоположность продуманной политике архиепископа Кентерберийского, палата лордов оставалась на распутье. Отказавшись в свое время от поддержки притязаний общин, она так и не приняла сторону короля, безуспешно пытаясь сохранить шатких баланс сил.

Импичмент, вынесенный герцогу Бекингему, учитывая масштаб его личности и занимаемое им на тот момент положение, был самым крупным и амбициозным проектом, задуманным общинами и завладевшим всем их

вниманием (стоит полагать, что именно из-за него были свернуты в свое время импичменты Томаса Аньяна и Ричарда Монтегю). Во время болезни короля Якова Джордж Вилльерс завладел огромной властью, а его давняя дружба с принцем Карлом (на момент появления Джорджа Вилльерса при дворе ему было 23 года, а принцу Карлу – 15 лет) фактически сделала его членом семьи, старшим братом и наставником наследника. Удар палаты общин по герцогу Бекингему был не просто вызовом короне, а объявлением войны.

Не будет преувеличением сказать, что все предыдущие импичменты, начиная с 1621 года, были для общин пробой сил и подготовкой к импичменту против Бекингема. Удобный момент наступил с кончиной короля Якова, и уже 6 августа 1625 года в парламенте прозвучали первые намеки на импичмент, полноценно развернутый в феврале 1626 года (перерыв объясняется роспуском парламента). Обвинения против Бекингема носили разрозненный и хаотичный характер. Они включали в себя как обвинения во взяточничестве, расточительности и продаже должностей, так и в небрежности при исполнении обязанностей и даже в отравлении короля Якова. Из-за недальновидности слов и поступков короля Карла, а также отсутствия четкой позиции у палаты лордов, импичмент с самого начала развивался для Бекингема неудачно, фактически оставив его один на один с палатой общин.

В соответствии с Актом 1352 года, единственным обвинением, которое могло напрямую считаться изменой, было отравление короля, но доказательств наличия такового у общин не было, хотя Бекингом и признано существование неких микстур и пластырей, которые, впрочем, он сам королю не давал и не рекомендовал. У нас есть определенные основания полагать, что это было сделано графиней Бекингом, матерью обвиняемого Джорджа Вилльерса, но, в любом случае, суд посчитал, что злого умысла в деянии не было и, если Бекингом и был замешан в передаче королю микстур, сделал это по халатности.

Снятие обвинения в главном преступлении усложняло работу палаты общин, вынужденную теперь искать обходные пути для обвинения фаворита

в измене. Положение парламента осложнялось сложной внешнеполитической ситуацией: англо-французский союз распался, и Англия стояла на пороге войны против Германии и Франции. К конфликту с королевской властью добавился непростой финансовый вопрос, решение которого находилось полностью в руках палаты общин, а очередной роспуск парламента привел к тому, что общины пообещали короне субсидии только в обмен на подписание «Петиции о правах», закрепившей неприкосновенные права парламента и развязавшей ему руки в борьбе против Бекингема и короля.

Неудачи Бекингема на военном поприще давали парламенту все основания для его обвинения, которое, безусловно, последовало бы, если бы Джордж Вилльерс не был убит одним из своих лейтенантов. Подобное завершение дела продемонстрировало, что палата общин хоть и вела борьбу за свои личные амбиции, в целом выражала позицию английского народа.

Примыкающим к трагическим событиям 1628 года является импичмент, вынесенный в 1629 году против Роджера Мэйнуоринга, королевского капеллана, оспорившего право парламента на отказ в выдаче займов короне. Это дело заставило общин вспомнить древние англосаксонские законы и Великую хартию вольностей, окончательно подводя правовую основу под фактически состоявшееся доминирование палаты в политике 1620-х гг. После того, как Мэйнуоринг был осужден архиепископом Кентерберийским, верным своему курсу на солидарность с палатой общин, лорды также выступили на стороне обвинения.

Это дело подвело итог политики палаты общин 1621-1628 гг., осуществляемой им посредством импичментов, и закрепило произошедшие в расстановке сил в королевстве сдвиги. Измена перестала ассоциироваться с предательством короля, став преступлением против королевства, которое отныне отождествлялось со всем английским народом.

Последним импичментом, ставшим логическим продолжением всего политического курса палаты общин, стал импичмент графу Страффорду 1640-1641 гг.

Как и в случае с герцогом Бекингемом, импичмент против Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, страдает от отсутствия некой генеральной линии и идеи. Обвинения против него различны как по своей сути, так и по тяжести. Среди них: злоупотребления полномочиями, незаконные налоги, изъятие земель, взяточничество и др. В числе преступлений графа Страффорда отсутствуют положения, перечисленные в Акте 1352 года, но, вместо этого, присутствуют формулировки о преступлениях «против подданных Его величества», «пэров и джентри», «горожан и всех жителей королевства», что вполне соответствует представлениям об измене, сформировавшимся в 1620-е гг. Тем не менее авторитет графа Страффорда, его общеизвестная неподкупность и принципиальность завоевали ему немало сторонников среди лордов. Палата лордов, посчитав, что с ней слишком мало считались в последние годы, открыто выступила на стороне Томаса Уэнтворта, что заставило общины искать обходные пути для его обвинения. В этом им помогла традиция принятия биллей о лишении. Единственным неудобством данных актов было то, что они должны были быть подписаны лично королем. Это означало необходимость предъявления ему ультиматума, на что не были готовы даже некоторые члены палаты общин. Задачу общинам облегчил сам граф Страффорд, написав королю письмо, в котором предложил не винить себя в подписании билля и не сожалеть о нем. Несмотря на то, что некоторые исследователи в последствии считали это письмо подложным, важно то, что его принял за подлинное сам король и, посчитав себя освобожденным от любых обязательств, подписал билль, приведший Томаса Уэнтворта на эшафот.

Подобная уступчивость короля не принесла мира и согласия в королевство, а лишь приблизила начало гражданской войны. Фактически на момент 1641 года король являлся фигурой, не обладавшей реальной властью в королевстве, вся полнота которой находилась в руках парламента, тон в котором задавали общины. Его согласие, необходимое в соответствии с требованиями закона, являлось в глазах палаты общин досадной

формальностью, а сама личность короля – ненужным в системе управления пережитком. Подписав билль о лишении против графа Страффорда, король Карл I подтвердил неспособность самостоятельно принимать решения и усугубил свое положение. Фактически, подписывая приговор графу Страффорду, король подписывал приговор и самому себе.

Импичменты 1621-1641 гг. являются одним из важнейших источников по истории Англии XVII века и позволяют проследить эволюцию в отношениях между палатой общин и королевской властью, приведшую страну к гражданской войне. Обладая четко прослеживаемой внутренней логикой, они проливают свет на многие события 1621-1641 гг., которые, на первый взгляд, не имеют отношения к судебным разбирательствам и лицам, против которых они были направлены. Импичменты как отражение политической и парламентской культуры Англии вписываются в контекст эпохи, являясь следствием назревающих в течение долгого времени противоречий, и хранят в себе значительную часть предпосылок последовавших за 1641 годом событий.

Данная работа лишь намечает контуры дальнейшего изучения темы, находящейся в тени исследований, посвященным импичментам времен гражданской войны, и не является исчерпывающим ответом на вопрос, что послужило причиной разразившегося конфликта. Мы выражаем надежду, что открытие новых источников привлечет к теме импичментов внимание исследователей и специалистов в области истории и юриспруденции, которым удастся воссоздать всеобъемлющую картину политической культуры Англии первой половины XVII века.

Источники

Anonymous. The Rose, the shamrock and the thistle, a magazine. Vol.1, June-vol.6, March. USA, 2010. 680 p.

Attenborough F.L. The Laws of the Earliest English Kings. Cambridge, 1922. 256 p.

Bracton H. De Legibus et consuetudinibus angliae. 6 vols. Cambridge, 2012. Vol. II. 818 p.

Eglisham G. Prodrumus Vindictæ in Ducem Buckinghamiæ Pro Virulenta Cæde ... Regis Iacobi, Nec-Non Marchionis Hamiltonij, Ac Aliorum Virorum Principum. Frankfurt, 1626. 48 p.

Elsyng H. Judicature in Parlement. London, 1991. 150 p.

Gardiner S.R. Documents illustrating the impeachment of the Duke of Buckingham. London, 1889. 305 p.

Glanville R. A translation of Glanville. London, 1812. 362 p.

Hatsell J. Precedents of Proceedings in the House of Commons; with observations. 4 vols. London, 1818. Vol. IV. 512 p.

Howell T.B. Cobbett's Complete Collection of State Trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the present time. 33 vols. London, 1809. Vol. II. 1504 p.

Howell T.B. A complete collection of State trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the year 1783. 21 Vols. London, 1816. Vol. II-III. 1480 p. + 1536 p.

Matthew of Paris. Matthew Paris's English History: From the Year 1235 to 1273. 3 vols. London, 1852. Vol. I. 536 p.

Murray J. The trials of Charles the First, and of some of the regicides: with biographies of Bradshaw, Ireton, Harrison, and others: and with notes. London, 1832. 338 p.

Tanner J.R. Constitutional Documents of the Reign of James I A.D. 1603-1625. with an historical commentary. Cambridge, 1961. 389 p.

Монографии

Baker J. The Oxford History of the Laws of England. 13 vols. Oxford, 2003. Vol. VI. 1116 p.

Bellamy J.G. The Law of Treason in England in the later middle ages. Cambridge, 1970. 288 p.

Bellamy J. The Tudor law of treason (Routledge Revivals): An Introduction. UK, 2013. 314 p.

Berger R. Impeachment: The Constitutional Problems. Harvard, 1973. 345 p.

Brown H. High Crimes and Misdemeanors in Presidential Impeachment. USA, 2010. 248 p.

Butler D. Impeachment Trial of David Butler, Governor of Nebraska, at Lincoln. Omaha, 1871. 410 p.

Carte Th. The Life of James Duke of Ormond. 6 vols. Oxford, 1851. Vol. I.

Cesare Cuttica and Glenn Burgess, ed. Monarchism and absolutism in early modern Europe. №4. USA, 2012. 298 p.

Cohn S.K., Aiton D. Popular Protest in Late Medieval English Towns. Cambridge, 2013. 375 p.

Craik G.L., Macfarlane C. The Pictorial History of England: Being a History of the People, as Well as a History of the Kingdom. 8 vols. New York, 1846. Vol. I. 857 p.

Cuttler S.H. The Law of Treason and Treason Trials in Later Medieval France. Cambridge, 1981. 284 p.

Dauids T.W. Annals of Evangelical Nonconformity in the County of Essex, from the time of Wycliffe to the Restoration; with memorials of the Essex Ministers who were ejected or silenced in 1660-1662. London, 1863. 641 p.

Drew K. F. Magna Carta. London, 2004. 211 p.

Finlason W.F. Reeves' History of the English Law: From the time of the Romans to the end of the reign of Elizabeth. 5 vols. London, 1869. Vol. I. 533 p.

- Foster J. Lives Of Eminent British Statesmen. 7 vols. London, 1837. Vol. III. 411 p.
- Foster S. The Long Argument: English Puritanism and the Shaping of New England. USA, 1991. 416 p.
- Gardiner S.R. Thomas Wentworth, first Earl of Strafford. London, 1899. 15 p.
- Gruenfelder J.K. Influence in Early Stuart Elections, 1604-1640. USA, 1981. 282 p.
- Healy S.M. Crown Revenue and the Political Culture of Early Stuart England. University of London, 2015. 302 p.
- Hume D., Smollet. History of England. Hartford, 1827. 496 p.
- Hume D. The History of Great Britain, under the House of Stuart. 2 Vols. London, 1759. Vol. I. 464 p.
- Hunter W.A. A Systematic and Historical Exposition of Roman Law in the Order of a Code. London, 1803. 1122 p.
- Jesse J.H. Memoirs of the court of England during the reign of the Stuarts, including protectorate. 4 vols. London, 1840. Vol. II. 496 p.
- Jones C., Jones D.L. Peers, Politics and Power: House of Lords, 1603-1911. London, 1986. 557 p.
- Kingsford C.L. Chronicles of London. Cambridge, 2015. 424 p.
- Kinney A.F., Swain D.W. The Routledge Encyclopedia of Tudor England. New York, 2001. 837 p.
- Lemon R. Treason by Words: Literature, Law, and Rebellion in Shakespeare's England. London, 2007. 234 p.
- Lingard J. A History of England from the First Invasion by the Romans. 13 vols. London, 1825. Vol. IX. 443 p.
- Lisi O. The Beginnings of English Law. Toronto, 2002. 297 p.
- Lochithea. Spyglass Duets: The Elizabethan & Jacobean Plotters. USA, 2009. 536 p.
- Mackintosh J. The History of England. 10 vols. London, 1835. Vol. IV. 377 p.

Orr D.A. *Treason and the State. Law, Politics and Ideology in the English Civil War.* Cambridge, 2002. 229 p.

Papazian M.A. *John Donne and the Protestant Reformation: New Perspectives.* USA, 2003. 385 p.

Peck L.L. *Court Patronage and corruption in Early Stuart England.* London, 1993. 319 p.

Prestwich M. *Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts: The Career of Lionel Cranfield Earl of Middlesex.* Oxford, 1966. 623 p.

Price B. *Francis Bacon's New Atlantis: New Interdisciplinary Essays.* Manchester, 2002. 209 p.

Pütter J.S. *An historical developement of the present political constitution of the Germanic empire.* 3 vols. London, 1790. Vol. I. 512 p.

Ranke L. *A history of England in the seventeenth century.* 6 vols. Oxford, 1875. Vol. II. 553 p.

Ridges E.W. *Constitutional Law of England.* London, 1905. 459 p.

Rowley C.K., Wu B. *Britannia 1066-1884. From Medieval Absolutiam to the Birth of Freedom under Constitutional Monarchy, Limited Suffrage, and the Rule of Law.* USA, 2014. 165 p.

Ruigh R.E. *The parliament of 1624. Politics and foreign policy.* USA, 1971. 434 p.

Shaw W.H. *George Villiers, first Duke of Buckingham.* Oxford, 1882. 81 p.

Stephen J.F., Smith K.J.M. *Selected Writings of James Fitzjames Stephen: A General View of the Criminal Law.* Oxford, 2014. 408 p.

Talmon S. *Recognition of Governments in International Law: With Particular Reference to Governments in Exile.* Oxford, 1998. 393 p.

Thompson Mrs. *The Life and Times of George Villiers Duke of Buckingham.* 3 vols. London, 1860. Vol. 3. 339 p.

Turner R.V. *Magna Carta: through the ages.* UK, 2003. 266 p.

Wedgwood C.V. *Thomas Wentworth, 1st Earl of Strafford.* London, 1961. 416 p.

West R. A Discourse Concerning Treasons, and Bills of Attainder. New Jersey, 2006. 111 p.

White St. D. Sir Edward Coke and the Grievances of the Commonwealth. USA, 1979. 327 p.

Whitelock B. Memorials of the English affairs from the beginning of the reign of Charles the First to the Happy Restoration of king Charles the Second. 4 vols. Oxford, 1853. Vol. I. 591 p.

Wormald P. Papers Preparatory to the making of English law: King Alfred to the twelfth Century. 2 vols. Vol. II. From God's Law to Common Law. University of London, 2014. 296 p.

Zaller R. Discourse of Legitimacy in Early Modern England. USA, 2007. 820 p.

Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М, 1918. 179 с.

Гардинер С.Р. Пуритане и Стюарты (1603-1660). М., 2008. 192 с.

Дюшен М. Герцог Бекингем. М, 2007. 327 с.

Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб: Алетейя, 2005. 523 с.

Диссертации

Стасевич В.А. Титулованная знать при ранних Тюдорах: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2015. 547 с.

Авторефераты диссертаций

Савченков Р.В. Палата общин в яковитских парламентах (парламент 1621 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб, 2011. 23 с.

Электронные ресурсы

UK legislation acts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 16.03.2016)

Юридический словарь [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (дата обращения: 28.08.2015)

Статьи

Ammon M. ‘Ge mid wedde ge mid ađe’: the functions of oath and pledge in Anglo-Saxon legal culture // *Historical Research*. 2013. Vol. 86. № 233. 515-535 P.

Benham J. Law or treaty? Defining the edge of legal studies in the early and high medieval periods // *Historical Research*. 2013. Vol. 86. № 233. 487-497 P.

Bowen L. Dismantling Prerogative Government: The Council in the Marches and the Long Parliament // *English Historical Review*. 2007. Vol. 122. № 499. 1258-1286 P.

Cogswell T. ‘The Warre of the Commons for the honour of King Charles’: the parliament-men and the reformation of the lord admiral in 1626 // *Historical Research*. 2011. Vol. 84. № 226. 618-636 P.

Hawke E.G. ‘Tyrant or Martyr?’ // *The Spectator*. 1931. No 5,362. 21-22 P.

Harris F.W. The Law and Economics of High Treason in England from its Feudal Origin to the Early Seventeenth Century // *Valparaiso University Law Review*. 1987. Vol. 22. № 1. 81-108 P.

Hunneyball P.M. The Development of Parliamentary Privelege, 1604-29 // *Parliamentary History Yearbook Trust*. 2015. 111-128 P.

Koabel G. Youth, manhood, political authority, and the impeachment of the Duke of Buckingham // *The Historical Journal*. 2014. Vol. 57. №03. 595-615 P.

Lear F.S. Treason and related offenses in Roman and Germanic Law // *The Rice Institute Pamphlet*. 1955. Vol. 42. №2. 1-142 P.

Little P. The earl of Cork and the fall of the earl of Strafford, 1638-41 // The Historical Journal. 1996. № 39 (3). 619-635 P.

Parry M. Bishop William Laud and the parliament of 1626 // Historical Research. 2015. Vol. 88 № 240. 230-248 P.

Re E.D. The Roman Contribution to the Common Law // Fordham Law Review. 1961. Vol. 29. №3. 447-494 P.

Schulz F. Bracton on Kingship // English Historical Review. 1945. Vol. 60. №237. 136-176 P.

Wieacker F. The Importance of Roman Law for Western Civilization and Western Legal Thought // Boston College International and Comparative Law Review. 1981. Vol. 4. №2. 257-281 P.

Александрова С.П. Импи́чмент герцогу Бекинге́му как проявление резких противоречий между оппозицией и королем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Том 9. №46. С. 159-169.

Александрова С.П. Основные направления борьбы парламентской оппозиции за ограничение власти короля в период первого парламента Якова I // Правоведение. 2006. №6. С. 167-182.

Александрова С.П. Возрождение права Палаты общин на импичмент как попытка установить контроль над исполнительной властью // Правоведение. 2005. №6. С. 180-195.

Буров С.В. Фракции и политическая борьба при дворе Карла I Стюарта // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №7. С. 220-277.

Санников С.В. Развитие представлений о преступлениях против королевской власти в раннесредневековой германской культуре: от частного правонарушения к государственной измене // ΣΧΟΛΗ. 2010. №4(1). С. 1-23.

Федоров С.Е. Титулованная знать и династия в раннестюартовской Англии // Нобилитет в истории Старой Европы. СПб, 2010. С. 164-193.